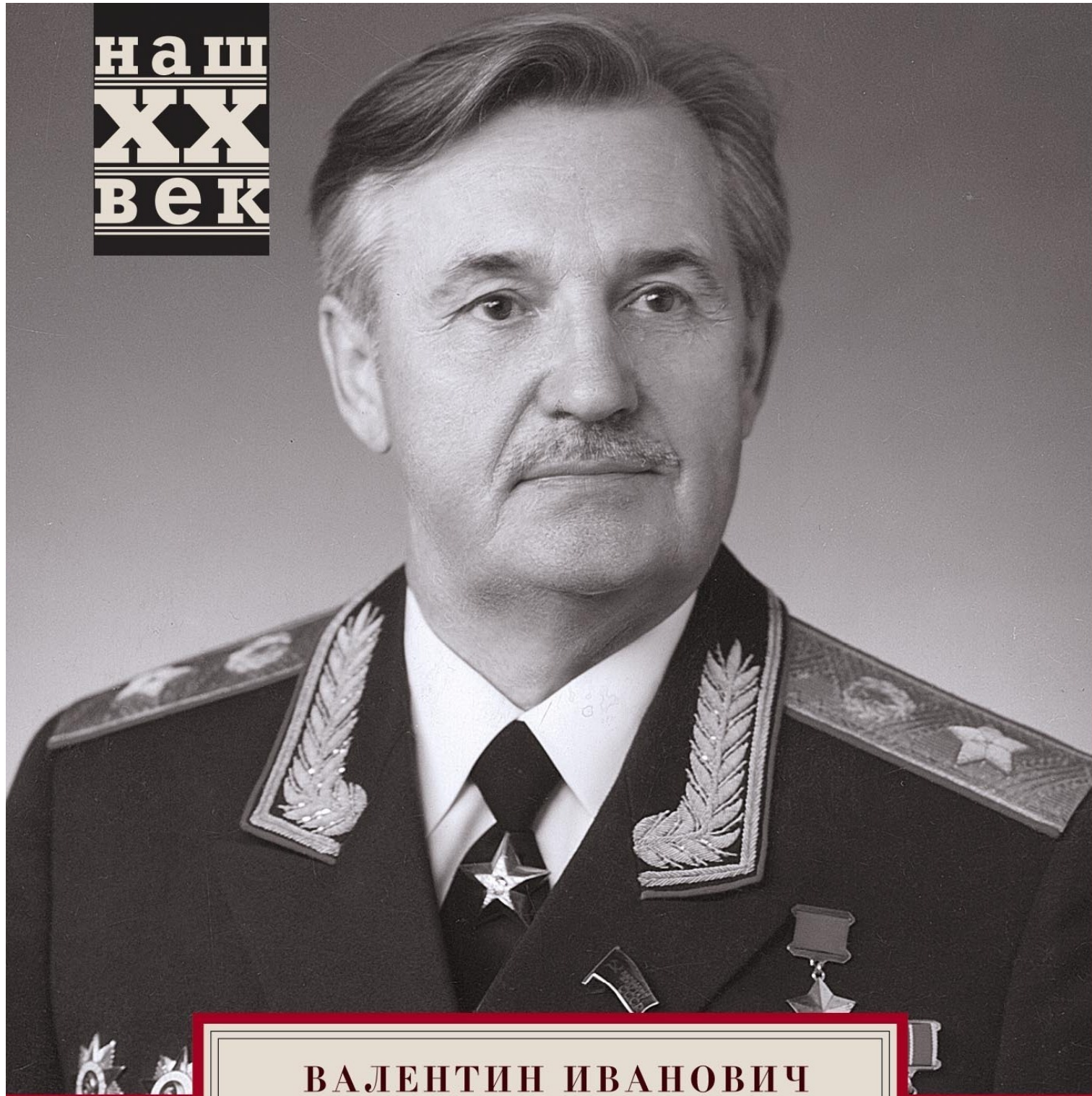

наш
XX
век

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ

ВАРЕННИКОВ

ТОМ 2

НЕПОВТОРИМОЕ
ГЕНШТАБ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ
АФГАНИСТАН. ЧЕРНОБЫЛЬ

Наш XX век

Валентин Варенников
Неповторимое. Том 2

«Центрполиграф»

2001-2002

УДК 821.161.1-94
ББК 63.3-8

Варенников В. И.

Неповторимое. Том 2 / В. И. Варенников — «Центрполиграф»,
2001-2002 — (Наш XX век)

ISBN 978-5-227-07927-5

Воспоминания выдающегося военачальника и общественного деятеля, Героя Советского Союза генерала армии Валентина Ивановича Варенникова «Неповторимое» впервые были опубликованы в 2001—2002 годах. В настоящее трехтомное издание вошли все одиннадцать частей воспоминаний, представляющих большой интерес как для специалистов-историков, так и для самого широкого круга читателей. Во второй том включены воспоминания о службе в Группе Советских войск в Германии (ГСВГ), Прикарпатском военном округе, Генеральном штабе Вооруженных Сил, Афганистане, об участии в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1-94
ББК 63.3-8

ISBN 978-5-227-07927-5

© Варенников В. И., 2001-2002
© Центрполиграф, 2001-2002

Содержание

Часть IV	6
Глава 1	6
Глава 2	26
Глава 3	33
Часть V	40
Глава 1	40
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Валентин Иванович Варенников

Неповторимое. Том 2

© Варенников В.И., наследники, 2023

© «Центрполиграф», 2023

Часть IV

Оперативно-стратегический эшелон. ГСВГ

Глава 1

Группа советских войск в Германии

(ГСВГ) – полевая академия высшего уровня

Маршал И.И. Якубовский: «Это самая большая армия в мире». – Мое назначение и неприятие главкома П.К. Кошевого. – Полярно меняются взаимоотношения, но Кошевой – это личность. – Войсковые учения с 10-й гвардейской танковой дивизией – это барометр. – Командиры дивизий – лица высшего класса подготовки. – Армейские учения со всеми войсками 3-й ударной армии

Колеса поезда монотонно постукивали на стыках рельсов. Я продолжал вспоминать встречи с высшими военачальниками, когда обходил московские кабинеты в министерстве. Самого министра не было – он находился в отъезде. На мой взгляд, наиболее интересной и далеко не формальной была беседа с первым заместителем министра обороны, он же был и Главнокомандующим Объединенными вооруженными силами стран Варшавского договора.

Маршал Советского Союза Иван Игнатьевич Якубовский был легендарной личностью. В войну командовал танковым батальоном, полком, бригадой. Стал дважды Героем Советского Союза, получил эти высокие звания в начале и в конце 1944 года за стремительные прорывы в глубину обороняющегося противника, выход в его тыл, разгром вторых эшелонов и пунктов управлений, что вносило хаос в действия немцев. А захват узлов дорог и отражение ударов подходящих резервов усиливали общую благоприятную ситуацию, которая создавалась для главных сил фронта: наши войска продвигались стремительно, добывая не успевшего отойти противника. После войны он командовал танковой дивизией, а уже в 1960 году стал Главнокомандующим Группой Советских войск в Германии – огромной и мощной группировки войск наших Вооруженных Сил. И когда его назначили на пост первого заместителя министра обороны – никто не удивился. Это была достойная личность.

И внешне он выглядел весьма внушительно: здоровенный, как Антей, налитый физической силой до предела, а черты лица как у тяжелого танка. Сидит, положив кулаки – двухпудовые гири – на стол, и всем своим внешним видом подавляет все, что вокруг, – мебель и собеседники становятся игрушечными.

Эта его своеобразная красота (особенно когда он был в маршальском мундире) некоторых приблизительно равных ему военачальников и государственных деятелей раздражала, подавляющее же большинство им искренне восхищались. Тем более когда знакомились с ним поближе. Внешне он был кремь, а душа у него – добрая, щедрая, душа настоящего человека. Была у Ивана Игнатьевича одна любопытная черта – почему-то во время отвлеченных от службы рассуждений немножко впадал в своеобразную меланхолию. Например, при разговоре о природе, цветах и особенно о птицах. О птицах он знал много, видно, с детства был очень наблюдателен, к тому же перечитал гору книг о пернатых и мог говорить о них часами. И если его слушали внимательно, а он это прекрасно чувствовал, то он весь, всей своей машиной, отдавался рассказу о какой-нибудь маленькой пташке – о ее нравах, характере, поведении, как ее приручить и т. д. Разбирал ее по перышкам. Даже не верилось, что об этом говорил он, маршал Якубовский.

Но когда Иван Игнатьевич, будучи, например, Главнокомандующим ГСВГ, занимался воспитательной работой, тем более если она касалась кого-то персонально, то он совершенно преображался. Помахивая своим пальцем перед лицом собеседника, как поленом, он втолковывал ему понятия, что такое хорошо и что такое плохо, так, как этого не мог сделать никто. А в заключение говорил, что если имярек немедленно не сделает для себя необходимых выводов, то загремит со всех своих постов. И это производило должный эффект.

Конечно, обо всем этом я узнал значительно позже, когда по долгу службы пришлось встречаться с маршалом и в ГСВГ, и в Прикарпатском военном округе.

А сейчас меня привели к нему перед отъездом к новому месту службы не столько как к первому заместителю министра обороны, сколько к военачальнику, который длительное время командовал ГСВГ.

– Это прекрасные войска, – увлеченно говорил мне маршал. – Они ничем другим не обременены – занимаются только боевой учебой. У них высшая степень боевых возможностей и боевой способности. Выучка отличная. Вот почему за каждой из дивизий и бригад, как и за аэродромами и штабами, американцы установили круглосуточное негласное гарантированное наблюдение. И как только какая-то дивизия зашевелится или взлетит группа самолетов, это немедленно становится известно в НАТО – обозначается на планшетах и высвечивается на экранах. Я уверен, что они находятся в состоянии постоянного страха. И пусть их трясет! А что касается 3-й ударной армии, на которую тебя назначили, так это самая большая и самая мощная армия в мире. Самая грозная армия.

Да, да, – продолжал маршал, заметив мой удивленный взгляд, – я не преувеличиваю. Есть у нас 11-я гвардейская армия – количество дивизий у нее больше, но общая численность в сравнении с 3-й ударной – ниже, а по количеству танков она вообще не имеет аналогов. Из пяти ее дивизий четыре – танковые, плюс два танковых полка тяжелых танков для прикрытия границы и два учебных танковых полка по 350 танков каждый. Не каждый фронт во время войны имел столько на направлении главного удара. А личный состав армии – 75 тысяч! Я уже не говорю о ракетчиках и артиллеристах. Словом, это ультрасовременная армия. И стоит она на главном оперативном направлении – надежно прикрывает выход на Берлин, но в случае агрессии противника – через два-три дня будет на Рейне и успешно его форсирует, как это сделали наши казахи корпуса сто пятьдесят лет назад, когда наступали на Париж.

Счастливый ты человек, генерал. Такую тебе дали армию! Я просто завидую, – сказал маршал напоследок искренне, от души.

Он встал из-за стола, сгреб мою ладонь и другой рукой, похлопывая меня по плечу легонько, чтобы ничего внутри не отбить, заключил:

– Еще раз поздравляю с этим высоким назначением. А что Петр Кириллович (Главнокомандующий ГСВГ маршал П.К. Кошевой) немного ворчит, так это все перемелется. У него такой характер. Желаю тебе счастливой службы.

Я ушел, конечно, под большим впечатлением. И что меня самого особо удивило – впечатление было сильнее, чем от посещения ЦК КПСС, который я считал до 1975 года святым органом. И сейчас, в поезде, я больше всего вспоминал подробности встречи с Якубовским.

Действительно, если такая армия находится на столь ответственном направлении, то, естественно, на нее возлагаются и соответствующие задачи и надежды. Надо сделать все, чтобы армия отвечала своему предназначению. Печально, конечно, что меня посылают в ГСВГ насильно, против воли Кошевого. Что-то надо делать. А вот что – ума не приложу. Самое главное – сразу все взять в свои руки и управлять твердо, не раскисая под «ударами» (если они последуют). Но, конечно, необходимо добиться реального улучшения дел уже в ближайшие месяцы.

В пути времени было много, и я подробно расписал себе план действий на перспективу. Правда, не все было сделано, как задумывалось, но намеченная канва помогла мне провести генеральную линию. Главный упор был на офицеров – без них я ничего не решу.

В Берлине на вокзале меня встретил адъютант командующего армией младший лейтенант Василий Ткач (как выяснилось, раньше он был длительное время сверхсрочнослужащим), вместе с сержантом. Василий Ткач оказался симпатичным молодым человеком, воспитанным и культурным. Войдя в вагон и отыскав меня, он представился и стал докладывать.

– Товарищ командующий, – начал Ткач (я не стал его перебивать – так уж принято было в войсках: начиная с армии и выше, единоначальников называли не по званию, хотя в Уставе об этом написано ясно, а по должности), – генерал-лейтенант Горбань, вместо которого вы приехали, находится сейчас в Вюнсдорфе, в штабе Группы, и ожидает вас там у генерал-полковника Туронтаева – начальника штаба Группы.

– Очень хорошо. Поедем в штаб Группы. Я представляюсь начальству. Это далеко отсюда?

– Через час будем в штабе Группы. Только, кроме Туронтаева, там никого нет: Главком – в отпуске, отдыхает в Бадзарове, здесь в ГДР, первый его заместитель генерал-лейтенант Говоров и начальник Политуправления генерал-полковник Мальцев – на выезде.

Мы ехали не очень быстро, так что с помощью Василия я смог кое-что в городе разглядеть. Разумеется, Берлин и его пригород за 20 лет после моего отъезда в Советский Союз преобразились капитально. Да и я сам уже не тот, кем был тогда. Уезжал майором, а теперь возвращался генерал-майором. Карьера, конечно, не головокружительная – такая, как у большинства, кто «пашет». Правда, я уже генералом был пятый год.

По автострате промчались быстро и вскоре оказались в штабе Группы. У центрального подъезда нас встретил комендант штаба и провел к Туронтаеву.

Переступив порог, увидел двух генералов. По званию определил, кто из них Туронтаев, и обратился к нему:

– Товарищ генерал-полковник, генерал-майор Варенников, представляюсь по случаю назначения на должность командующего 3-й ударной армией.

– Здравствуйте, Валентин Иванович, здравствуйте, – тепло сказал он. – Знакомьтесь – Василий Моисеевич Горбань, вместо которого вы прибыли. Ждет не дождется, когда его отпустят в родной Киев.

Мы поздоровались, сели и договорились о порядке действий. Решено было, что мы с генералом Горбанем едем сейчас в Магдебург, в штаб армии, а Туронтаев связывается с Кошевым и договаривается о времени, когда тот сможет нас принять, после чего мы по сигналу Туронтаева едем в Бадзаров. А пока Василий Моисеевич ознакомит меня с войсками. Конечно, жгучего желания ездить совместно у меня не было. Это напрасная трата времени: было бы нетактично в присутствии прежнего командарма разбирать с командиром дивизии или полка какие-нибудь вопросы. Получилось, как я и предполагал: наши с ним поездки носили всего лишь характер ритуала.

Но делать нечего, распрощавшись с Туронтаевым, мы на машинах отправились в войска. Едва сели в автомобиль, а это был ЗИМ, Василий Моисеевич сразу начал его расхваливать:

– Я поставил новый двигатель с БТРа, срезали почти весь пол и наварили двухмиллиметровый новый стальной лист, заменили подвески, привели в порядок салон – так что вы теперь можете разъезжать королем. С вас магарыч. У всех командармов и трех членов Военного совета Группы – ЗИМы. Но у нас самая лучшая машина. Скорость по автострате сто десять плюс-минус десять километров. Больше не надо.

Он рассказывал, а я вспоминал свой первый ЗИМ в Архангельске. Вспоминал обком партии, монолог по этому поводу Б.В. Попова. Я думал о своем, а Василий Моисеевич все расхваливал автомобиль. Машина действительно шла хорошо, двигатель работал ровно, уверенно. Вскоре, когда мы выехали на автостраду, Горбань дал команду водителю остановиться

в удобном месте. Мы вышли из машины, Василий Моисеевич достал из портфеля сумочку, в которой была очищенная оранжевая морковь – штук десять – двенадцать, – и предложил мне. Я отказался, а он стал с удовольствием жевать морковку, поясняя, что она ему необходима, как воздух. Не ожидая моих вопросов, он признался:

– Валентин Иванович, я тяжело болен. У меня рак. Сколько мне еще пошлет судьба лет, месяцев или дней – я не знаю. Но я принимаю все меры к тому, чтобы продлить жизнь. Мне рекомендовано постоянно, через три-четыре часа, есть морковь. Вот такие-то дела.

Он замолк и задумался. Я, конечно, был шокирован этим сообщением и не смог сориентироваться, как себя вести: задавать вопросы – неудобно, не поддерживать разговор – тоже плохо.

– Я понимаю так, что вас смотрели крупные специалисты...

– Да не только смотрели! Меня оперировали. И я регулярно прохожу курс химиотерапии. У кого я только не был! Да и мой перевод, хоть и с повышением на должность первого заместителя командующего войсками Киевского военного округа, связан в первую очередь с состоянием здоровья. В Киеве есть мощная клиника. Я уже там бывал. Надо мной взяли шефство классные специалисты. Я надеюсь...

Мы продолжили путь, и Василий Моисеевич принялся рассказывать об армии. Первое, что я услышал от него, было то, что это самая большая и самая мощная армия в мире. Я расхохотался.

– Чего вы смеетесь? – подозрительно спросил Горбань.

Я передал дословно, что сказал мне об армии маршал Якубовский. Теперь захохотал мой спутник, приговаривая при этом:

– Так он и мне это вдолбил! И, наверное, всем об этом говорит. Но было бы понятно, если бы он этой армией командовал. Однако и близко не был, если не считать его службы уже в должности Главкома Группы войск. Наверное, Иван Игнатьевич говорит так потому, что дивизии в основном танковые. А танкистов он обожает. Вот увидите – когда к вам придет, то первым вопросом будет: «Где живут ваши танкисты? Пойдем посмотреть». Второй вопрос: «Где танковый парк? Пойдем посмотреть танки». Он обязательно прикажет завести несколько машин. Третьим вопросом будет: «А где они стреляют и водят?» И только после этого – все остальное.

Василий Моисеевич подробно рассказал мне о дислокации дивизий и бригад армии – у него с собой была и карта, но без нанесенных частей и соединений. Обратил внимание на особенности, пообещав, когда будем объезжать войска, показать все на месте. Затем начал буквально смаковать кадры. У него была прекрасная память, и он ею, видно, гордился и умело демонстрировал. Знал наизусть всех от командира полка и выше по фамилии, имени и отчеству, и каждому выдал характеристику. Пока их всех перебирал, мы въехали в Магдебург. Это большой старинный немецкий город на Эльбе. Здания в основном готического стиля, но уже появились и проблески модерна. Мы подъехали к большому двухэтажному особняку с высоким цоколем, возле которого стояла охрана. Оказалось, это гостиница Военного совета армии.

– Располагайтесь как дома. Василий сейчас организует еду, а часа через два я подошлю начальника штаба генерала Николая Васильевича Сторча. Толковый, опытный генерал. Он прихватит кое-какие документы, в том числе и план наших с вами поездок. Думаю, через неделю мне все-таки удастся уехать, и вы сможете поселиться в домике командующего в так называемом «Амовском городке».

– Это что за городок? Он не имеет отношения к нашему АМО – Автомобильному Московскому обществу, что еще в 1920-х годах организовал И. Лихачев?

– Как же! Наше АМО задолго до войны пустило свои корни и здесь. В Магдебурге был мощный машиностроительный завод, и москвичи с ним кооперировались, в том числе проходили на этом заводе практику. А для сотрудников построили небольшой компактный жилой городок. Вот мы его сейчас штабом армии и «оккупируем».

Василий Моисеевич уехал заниматься своими делами, а ко мне подъехал Сторч, и мы с ним просидели до глубокой ночи. Но уже вечером нам позвонил генерал Горбань, узнавший из разговора с начальником штаба Группы, что главком Кошевой может нас принять только послезавтра – в 12 часов дня.

С учетом этого обстоятельства мы уточнили порядок действий на завтра – решили посетить сразу две дивизии неподалеку от Магдебурга – 47-ю танковую и 207-ю мотострелковую. А в 9 утра послезавтра выехать в Бадзаров, чтобы на всякий случай приехать туда с запасом по времени. Николай Васильевич Сторч доверительно рассказал мне немного о главкоме: человек он твердый и решительный, не склоняется ни перед кем. Глубоко и всесторонне разбирает все вопросы. Очень работоспособный и выносливый. Терпеть не может бездельников. С утра включается в какое-нибудь дело (стройка, учение) и проводит весь день на ногах, ни разу не присев, только вечером куда-нибудь забредет пообедать и заодно поужинать. Причем и в ходе трапезы будет все время касаться вопросов прошедшего дня. Я при этом вспомнил Ленинградский военный округ, генерал-полковника С.Л. Соколова и подумал: может, у старшей категории военачальников это такой стиль работы вообще? Николай Васильевич обратил мое внимание на одну особую черту в характере Кошевого – не допускает вмешательства в беседу, которую он ведет с каким-нибудь лицом или группой. Сразу следует вопрос: «А ты кто такой? Кто тебя уполномочивал на этот разговор?» Поэтому, пока он не закончит тему, лучше помалкивать. В конце, если главком посчитает нужным, он может спросить: «Вопросы есть?» Однако вопросы должны быть короткие и ясные.

Тут я опять вспомнил, но уже другого начальника – моего бывшего командира дивизии Федора Васильевича Чайку, который вообще не терпел каких-либо вопросов. Он считал, что человек, который задает вопросы, скорее всего, занимался посторонними делами и не слушал, когда растолковывали дело, или же он крайне туп. Но если все-таки вопрос возникал, то у Федора Васильевича лицо перекашивалось, как от зубной боли, и он, пересиливая себя, говорил тихо, сквозь зубы: «Это потом, потом – в конце...» Да, ко всему этому мне надо быть готовым, и я был генералу Сторчу очень благодарен за ориентацию. На следующий день, как и планировалось, мы объехали гарнизоны двух дивизий. Почти нигде не задерживались, и тем не менее только на беглый осмотр со стороны потребовалось более 12 часов. А еще через сутки утром выехали к главкому в Бадзаров.

Мы приехали почти за час до назначенного времени. Начальник санатория, принадлежавшего Группе войск, предложил нам пока с ним погулять, он готов показать все достопримечательности, особенно огромное красивое озеро и различные построенные сооружения. Но мы отказались, тем более что главком тоже был на прогулке. Решили отсидеться в гостевом доме и посмотреть свежую прессу.

В установленное время прибыли в дом, где остановился главнокомандующий. Василий Моисеевич шествовал впереди, я – за ним.

В просторной гостиной находились маршал и его жена. Горбань четко представился – прибыл в связи с назначением на новую должность и убытием из Группы. Петр Кириллович тепло его поприветствовал. Затем Василий Моисеевич подошел к жене главнокомандующего и, склонив голову, поцеловал руку. Все это время основное внимание было сосредоточено на Василии Моисеевиче, так что мне неудобно было вклиниваться и обнаруживать свое присутствие. Выбрав удобный момент, я все-таки представился главкому. Он мельком взглянул в мою сторону и, не подавая руки, широким жестом предложил всем сесть.

– Ну, Василий Моисеевич, рассказывай, как наши дела, – начал главком.

И Горбань начал. Вначале – издали. Вот, мол, наконец прибыла замена, и он может уже уехать в Киев. Конечно, если бы не болезнь, то можно было бы с превеликим удовольствием еще послужить под знаменами знаменитого полководца.

– Ну, хватит, хватит. Давай о другом, – не очень настойчиво запротестовал Кошевой.

– Дорогой Петр Кириллович, и в годы войны, и сейчас я многому у вас научился и лично вам обязан всем. Поэтому, какого бы вопроса я ни касался, – все будет непременно связано с вами.

И далее Горбань обратился к некоторым воспоминаниям. Кошевому это явно импонировало, и они вдвоем воскрешали эпизод за эпизодом из жизни Группы войск (в основном речь шла об учениях). Иногда вставляла фразу и жена главкома. Меня же как будто вообще здесь не было. Мне иногда даже становилось смешно: ведь такой уровень – главнокомандующий, Маршал Советского Союза, дважды Герой, возраст за 60 – и вдруг такое «внимание» офицеру, который прибыл служить в Группу на высокую должность. Сказать, что таков уровень его интеллекта, воспитанности, культуры, я с первой встречи тоже не могу. Да и, судя по его высказываниям и галантности, проявленной в отношении генерала Горбаня, это было бы несправедливо. Видно, таков был уже выработанный годами стиль отношения к тем, кого он не переносил, но вынужден по определенным причинам терпеть. Я вспомнил слова Якубовского: «Все перемелется. Это у него такой характер». Но если у него такой характер, то я представляю, что сейчас на душе у Петра Кирилловича, хотя внешне все хорошо и даже весело.

Прошел час. Жена главнокомандующего начала посматривать на часы. Василий Моисеевич понял, что время исчерпано. Он встал и начал трогательно благодарить Петра Кирилловича за все. Остальные тоже поднялись и начали одновременно потихоньку перемещаться к выходу. Наконец главком обнял генерала Горбаня, троекратно расцеловал и пожелал ему доброго здоровья и хорошей службы. То же самое сделала и жена Кошевого. И при прощании маршал Кошевой не только не подал мне руки, но и не глянул в мою сторону.

Идем с Иваном Моисеевичем и молчим. Каждый думает о своем. Потом я напомнил Горбаню, что у нас сегодня по плану 10-я гвардейская танковая дивизия. Василий Моисеевич предложил заехать в расположенный неподалеку штаб Группы – доложить начальнику штаба о визите к главкому и заодно пообедать. А затем отправиться в Потсдам, в 10-ю танковую. Это – «рукой подать».

Владимир Владимирович Туронтаев принял нас с распростертыми объятиями и сразу повел в столовую:

– Я знаю, вы не обедали. Мне звонил главком, рассказывал. – Потом – обращаясь ко мне: – Ну, как вам наш Петр Кириллович?

– Видно, очень деловой человек. Судя по разговору с Василием Моисеевичем, он прекрасно знает войска, их проблемы, – коротко ответил я.

– А какие он поставил вам вопросы?

– Никаких. У меня создалось впечатление, что я для него вообще отсутствовал, все внимание было обращено на Василия Моисеевича.

– Это у него бывает. Ну да ничего – все устроится. А что касается Василия Моисеевича, так он этого внимания заслуживает. Можно было бы по чарке выпить и за прощание, и за встречу, и за службу. Но Василию Моисеевичу нельзя...

– Мы хотели после обеда ехать в 10-ю гвардейскую танковую. Наверное, лучше крепкого чая.

Так и решили. Но я, прикинув сложившуюся обстановку, попробовал идти дальше: – Товарищ генерал-полковник...

– Можно просто Владимир Владимирович.

– Товарищ Владимир Владимирович, – начал я, и все засмеялись, – мне кажется, в наш план действий можно было бы внести коррективы. Правда, я еще их с Василием Моисеевичем не обсуждал.

– Интересно, – оживился Туронтаев, а Горбань насторожился. Я же продолжил свою мысль: – Как я понял, главнокомандующий с Василием Моисеевичем уже распрощался и считает его ушедшим. В этих условиях, на мой взгляд, было бы правильным сегодня посмотреть

дивизию в Потсдаме. Завтра же утром на совещании Управления армии Василий Моисеевич попросается с офицерами, а я представлюсь и познакомлюсь. Сюда же можно было бы пригласить командиров 12-й гвардейской танковой и 25-й танковой дивизии, а также тех командиров бригад и отдельных полков, где мы вместе не успели побывать. После совещания Василий Моисеевич и я подписываем шифровку – доклад на имя главкома о сдаче и приеме должности, а затем посылаем более широкие письменные доклады. Тогда Василий Моисеевич мог бы уже завтра или, в крайнем случае, утром послезавтра лететь в Киев. Я понял, что главком дает ему самолет.

Туронтаев вопросительно посмотрел на генерала Горбаня. Тот, чувствуется, был озадачен, поэтому сразу ничего не мог сказать и, видно, склонен был подумать. Тогда я добавил:

– Если это нарушает какие-то внутренние планы со сборами и так далее, то можно было бы провести все то, что я сказал, а время вылета Василий Моисеевич может определить сам – по мере готовности.

Это его устроило. – Вот и хорошо, – подвел итог Туронтаев.

Все сделали, как договорились. Встреча с Управлением армии получилась очень хорошей. Правда, она носила несколько торжественный характер – все-таки уезжал генерал, который два года командовал этой армией. Но хорошо приняли и меня.

Генералу Горбаню Управление армии подарило на память бронзовый макет современного танка. Это была ювелирная работа высшего класса. Он был растроган до слез.

Прошли дни сдачи и прощаний, приема должности и ознакомления с войсками. Наши рапорты главкому были отправлены, и я приступил к работе. Генерал Горбань уехал и уже несколько раз звонил мне из Киева по ВЧ связи. С главнокомандующим же, вернувшимся из отпуска, хотя бразды правления он не упускал и на отдыхе, произошло событие, которое привлекло внимание всей Группы и руководства ГДР.

Как-то маршал Кошевой возвращался из Берлина. В районе поворота на Цоссен (это в сторону штаба Группы) автомобиль съехал с автострადы и с привычной большой скоростью мчался по узкой дороге. Впереди, по правой стороне, шел колесный трактор с прицепом (немцы проводили полевые работы). Тракторист включил правый поворот. Но для того, чтобы ему попасть на полевую дорожку, он сделал резкий маневр влево (иначе не заехать на поле) и затем повернул вправо.

Водитель «Чайки», на которой ехал главком, увидев сигнал поворота вправо, начал делать обгон слева и прибавил жару и без того быстро несущейся «Чайке». И тут происходит столкновение ее с немецким трактором.

Водитель и маршал выскакивают из машины, стаскивают тракториста с сиденья на грешную землю и капитально его «причесывают», разъясняя при этом правила уличного движения. Дисциплинированный немец только выкрикивал:

– Яволь, яволь, яволь!

В тот же день вся Группа узнала: главком «разбился», но жив. Ни главком, ни водитель не пострадали (больше в машине никого не было). Правительство ГДР прислало заместителя председателя Совета Министров с извинениями и с новой «Чайкой» из правительственного гаража.

Но вот уже и это происшествие забылось. Я ждал, что главком в скором времени появится в нашей армии. У нас по плану как раз намечались дивизионные тактические учения с 10-й гвардейской танковой. Учения сложные, на большую глубину, с действиями на двух полигонах. Я, как руководитель этого учения, вместе со штабом руководства детально изучил все: и район выхода по тревоге, и все маршруты выдвижения, и условия действий на Альтенграбовском и на Магдебургском полигонах. Но, не зная уровня подготовки войск, не представлял, как они справятся с задачей.

Однако до этого, как я и предполагал, маршал отправился в Альтенграбов (неподалеку от Магдебурга) – посмотреть, как заканчивается строительство военного городка для учебного полка связи Группы. Мне позвонил Туронтаев: «Уже выехал, так что вы торопитесь».

Действительно, не успел еще я в общих чертах разобраться в стройке, как появляется главнокомандующий, а за ним – вереница машин со строителями и связистами-начальниками.

Встретив маршала Кошевого, я представился, кратко доложил, чем занимаются войска армии, и попросил разрешения поприсутствовать.

– Да, вам это будет полезно, – согласился маршал.

И вот наконец я впервые увидел Петра Кирилловича Кошевого в действии. Он уже на плаце в принципе разобрал по косточкам весь военный городок (жилой фонд строился вместе с другими частями гарнизона). А затем детально осматривал каждую казарму, учебный корпус, клуб, бытовой комбинат, столовую, парк стоянки боевых, учебно-боевых и транспортных машин, пункт технического обслуживания, склады и т. д. Весь день он заглядывал буквально во все углы, проверяя, как работают все системы – электричество, отопление, вода и т. д. Не у каждого есть такая выдержка и терпение. Что интересно, этот городок возродили совместно строительное управление и квартирно-эксплуатационное управление Группы. Сложение сил позволило быстро и красиво построить все здания и городок в целом.

В итоге маршал был удовлетворен положением дел на стройке. Но когда во время осмотра ему попадался хоть малейший дефект, он устраивал разнос по высшему классу. В этот момент Кошевой мне чем-то напоминал генерала Ягленко из Печенги. Внешне они были приблизительно схожи – небольшого роста, но крепкие, с непомерно большой головой и одутловатым лицом. Но что отличало Кошевого, так это его строительный жаргон. Он был просто неповторим.

– Ты почему (и далее следовало явно непарламентское выражение) не сделал то, что от тебя требовалось еще в прошлом месяце? – грозно вопрошал маршал.

– Не могу знать, товарищ главком, – мямлил провинившийся.

– То есть как это «не могу знать»? – еще более грозно спрашивал Кошевой. – А кто за тебя... должен знать?

– Не могу знать, товарищ главком...

– Да что это за полковник... Ни черта не знает! Где начальник КЭУ, где Козенко?

– Я здесь, товарищ главком, – вышел полковник такого же телосложения, как и Кошевой.

– Кому я приказывал в прошлый раз переделать отмокту у этой казармы? – Мне, товарищ главком. – Почему не выполнено? – Разберусь, товарищ главком.

– Нет, вы посмотрите на него! Я говорю: почему не сделано то, что мною приказано месяц назад, а он – «Разберусь». Нет, нет! Дальше терпеть нельзя. Веди меня к тому столбу, на котором я должен тебя повесить, – произнес маршал и, схватив полковника за рукав кителя, буквально волоком потащил его за собой к ближайшему столбу. Конечно, все понимали, что никого вешать не будут, однако продолжали подыгрывать маршалу.

– Товарищ главком, товарищ главком! – жалобно молил полковник. – Ну что? Ну что? – остановился Кошевой.

– Товарищ главком, зачем же вам меня вешать? Я уже знаю вашу задачу, знаю, как ее выполнять...

– Но не выполняю! Так, что ли?

– Товарищ главком, на следующей неделе докладываю лично.

– Ладно, – смиловился маршал, – даю последнюю возможность исправиться. Но смотри у меня!

Затем он всех отпустил, оставив меня и начальника войск связи Группы войск.

– Вы оба должны постоянно следить, как выполняются все указания и устраняются недоделки. Командующий армией, как лицо, отвечающее за все на его территории, а начальник

войск связи – как непосредственно заинтересованное лицо. Мой порученец, как всегда, записывал все, что я говорил, и через пару дней он вам обоим такую справку даст. Все они, конечно, отличные труженики и незаменимые специалисты. Но задач для всех по Группе много, вот они и разрываются на части.

Понимая, очевидно, что лично мне совершенно неясно: если они такие замечательные труженики и специалисты, то зачем их надо было так распекать вплоть до «повешения», главнокомандующий добавил:

– Славянин, он, как правило, всегда идет верным путем. Но он только идет! А бывают такие периоды жизни, когда надо бежать.

И вот, чтобы его побудить к этому, есть много способов. В том числе и тот, который вы сегодня видели. Я уверен, что все они уже побежали.

Потом, перейдя на другую тему, обращаясь ко мне, главком, не называя меня ни по фамилии, ни по званию, ни по должности, спросил:

– У вас в армии, кажется, скоро должно быть дивизионное учение?

– Так точно, товарищ главнокомандующий, с 10-й гвардейской танковой дивизией, – доложил я.

– Какая степень готовности? – В основном все готово.

Не подавая руки, главком сказал: «До свидания» – и уехал.

Генерал – начальник связи Группы войск – улыбнулся:

– Я его, Валентин Иванович, знаю много лет. Он всегда вот так начинает с незнакомыми. А потом все нормализуется.

Приехав в Магдебург, я сразу пошел к начальнику штаба армии. Хотя уже было поздно, он еще работал и ждал моего возвращения. – Ну, как? – встретил он меня вопросом.

– Да вроде все обошлось нормально. Правда, строителям давал разгон. Но не это самое главное. Когда все закончилось, он поинтересовался у меня предстоящими учениями с Потсдамской дивизией.

– О, это говорит о многом. Он может поручить взять на контроль своим соратникам – генералу Говорову, как первому заместителю, или генералу Туронтаеву. И даже может прикатить собственной персоной. Надо быть начеку.

Мы договорились весь следующий день посвятить предстоящим учениям – завершить все, что не было сделано в штабе руководства, и, естественно, разобраться с состоянием дивизии. Оказалось, что только один танковый полк у нее вышел на Альтенграбовский полигон – на боевые стрельбы штатными снарядами и на вождение. Стрельбы проводились из боевой группы танков, а вождение – на базе учебно-боевой группы. До начала учений они должны успеть все это выполнить и вернуться в пункт постоянной дислокации.

Прошел день, наступила ночь. В два часа звонит мне в гостиницу Сторч и докладывает по закрытой связи:

– Товарищ командующий, главком недавно выехал из штаба и с ним группа машин. Якобы направился в сторону 20-й армии, то есть на восток.

– Откуда у вас такие данные? Вы – как Штирлиц.

– Я доложу об этом позже, но это стопроцентная достоверность, что выехал. А вот куда он нацелился, могут не знать даже те, кто с ним едет. Где-нибудь сделает остановку, всех соберет и в течение пяти-семи минут уточнит задачи.

– А на нашу 10-ю танковую он не обрушится?

– Все может быть. Но не думаю. По плану до начала учений еще целая неделя. Но я уже сейчас дал команду оперативному дежурному армии, чтобы он обзвонил все дивизии и бригады и приказал поднять уровень бдительности. А в 10-ю дивизию генералу Кроту позвоню сейчас лично.

– Очень хорошо. Но, может, нам выехать сейчас в штаб армии и находиться там?

– А вдруг главком приедет в нашу дивизию и будет звонить вам? Телефонист скажет, что вы в штабе армии. Это будет выглядеть странно. Начнется разбирательство – ведь главком очень дотошный человек.

– Хорошо. Если где-то что-то зашевелится – немедленно звоните мне, – наказал я.

Мы решили продолжить свой отдых, но держать «ушки на макушке». Приблизительно в четыре утра раздается звонок. Я вскакиваю и беру трубку.

– Товарищ командующий, докладывает оперативный дежурный штаба армии. Главкомандующий Группой войск объявил тревогу Управлению нашей армии и 10-й гвардейской танковой дивизии с выходом в запасные районы сосредоточения. Ограничение одно – из отпусков и командировок никого не отзывать. Доклад закончен. – Сигнал вы передали всем? – Так точно! Сигнал передан всем. – Где главнокомандующий? – Рядом. – Доложите, что я выезжаю в штаб.

На ходу натягиваю все на себя, а сам ворчу: не получилось из Сторча пророка – мало того, что главком за неделю до учений поднял дивизию, так он еще и штаб армии поднял. Хорошо, что мы недавно провели тренировку и я тщательно проштудировал план подъема по тревоге.

Не успел я одеться, как в дверях появился адъютант в полном боевом облачении: – Товарищ командующий, машина готова. – А ты откуда взялся?

– Так я же ночью на первом этаже, пока вы живете в гостинице. – Силен. Хоть бы предупредил.

– Да я как-то говорил, но вы не обратили внимания.

Мы кубарем скатились по лестнице во двор, попрыгали в газик и помчались. Через пять минут я уже докладывал главкому. Выслушав, он спокойно, но повелительно ответил:

– Действуйте по плану.

Встретились с начальником штаба уже на защищенном пункте управления. Это отлично оборудованное подвальное помещение дома, где размещались Военный совет армии и оперативная часть штаба. Я связался с командиром 10-й гвардейской танковой дивизии Героем Советского Союза генерал-майором Кротом. Он доложил, что дивизия уже вышла в пункты сбора и что он начинает движение в запасный район сосредоточения. Танковый же полк, находящийся на полигоне, придется поднимать вверх севернее, чтобы войти в свой район.

Учитывая, что этот подъем по тревоге может перейти в учение, я приказал комдиву сосредоточить полк на северной окраине Альтенграбовского полигона и подать ему туда все полковые запасы (коль нет никаких ограничений). Сам же решил ехать с оперативной группой и охраной на командный пункт в запасный район, после чего туда прибудет основной состав штаба и Управления армии во главе с начальником штаба. В пункте постоянной дислокации остается с небольшой группой офицеров заместитель начальника штаба армии.

Поднявшись к главнокомандующему, я доложил свое решение по карте. При этом обратил его внимание на следующее: – Мне не известны ваши планы, товарищ главнокомандующий, но если вы намерены подъем по тревоге перевести в дивизионное тактическое учение, то, на мой взгляд, было бы целесообразно полк 10-й гвардейской танковой дивизии, находящийся сейчас на стрельбах на Альтенграбове, не возвращать, а сосредоточить его на северной окраине Альтенграбовского полигона. Он находится как раз в зоне предстоящих учений. Что касается управления, то командир дивизии имеет устойчивую связь со всеми частями, в том числе и с этим полком. – Ваше решение утверждаю, за одним исключением – полковых запасов этому полку не подавать. Полковые запасы других полков, как и дивизий в целом, после выхода в район сосредоточения и их проверки будут возвращены в пункты постоянной дислокации.

Все распоряжения отданы, и машина закрутилась. Маршруты выдвижения взяты под охрану и регулирование. Войска и штабы двинулись в свои районы. Поскольку в районах сосредоточения все виды связи были на подогреве, я со своей оперативной группой прибыл на

командный пункт уже через двадцать минут и докладывал об этом главкому. Он ответил, что скоро подъедет.

Действительно, он тут же приехал, и мы вдвоем просидели целых три часа. Вначале – за картой вывода войск и штабов армии в запасные и основные районы, затем разобрали маршруты выхода полков к государственной границе. После чего детально проанализировали план проведения учения. Я доложил главкому свое решение о том, что по окончании дивизионного учения дивизия двое суток будет заниматься осваиванием всем офицерским составом двух проблем: первая – изучение рубежей, которые дивизия может занять при внезапном нападении агрессора, и вторая – изучение маршрутов выдвижения к государственной границе. Главком одобрительно отнесся к этому шагу:

– Конечно, надо все это провести, коль дивизия уже поднята и приближена к границе. Все офицеры отлично должны знать и то и другое без проводников. Кроме того, мы должны хорошо готовить проводников для каждого батальона.

Дав добро на эти действия, главком сказал, что Управлению и штабу армии даем с 8 часов отбой – можно возвращаться в пункт постоянной дислокации. А штабу руководства учением необходимо еще в течение сегодняшнего дня доподготовиться и вечером вручить командиру и штабу дивизии тактическое задание. Сам же главком приедет на командный пункт дивизии в район сосредоточения на следующее утро.

Я прекрасно понимал, что проверялась на этом учении не только и не столько дивизия, сколько штаб руководства и, в первую очередь, руководитель учения – командующий армией, что он из себя представляет и на что способен. Учитывая же неприятие главкомом моего назначения на должность, можно было представить, как он будет действовать на этом учении. Я не исключал такого варианта, что, если я лично где-то просчитаюсь, он мог позвонить в Москву и спросить: «Кого вы мне прислали? Он не разбирается даже в элементарных вопросах. Ему не только нельзя доверить проведение учения с полнокровной дивизией, он не в состоянии организовать даже игру „казаки-разбойники“». С его назначением была допущена ошибка и ее надо исправить».

Поэтому моя задача состояла в том, чтобы не дать главкому ни одного шанса подцепить меня на крючок. Мало того, надо активизировать действия руководства штаба, а вместе с ним и дивизии. Тем более начало этому уже обозначено – главком утвердил мое решение о двухдневных занятиях после учений.

Однако мои опасения оказались напрасными. Учение с самого начала приняло нормальный характер. Все действия командиров и начальников были отработаны. Дивизия имела задачу: сменить часть сил «действующей» впереди мотострелковой дивизии, подготовить и провести наступление на направлении главного удара армии с целью – прорвать главную полосу обороны в районе Гальберштадта, выйти к исходу дня к реке Эльбе, быть готовыми с ходу форсировать ее на широком фронте и на плечах отходящего противника обеспечить захват плацдарма на западном ее берегу.

Конечно, задача была многогранная и архисложная. Тут и смена войск (сменяемые войска были реально обозначены), и прорыв главной полосы обороны противника, и выход к реке на широком фронте, и возможное форсирование крупной водной преграды, по которой проходил следующий рубеж обороны противника. И, несмотря на сложность задачи, мне стало ясно: командиру дивизии она по плечу. Командир обладал бурлящим «кавалерийско-танковым» характером, однако неосмотрительных шагов не делал. А приняв решение, мобилизовывал на его выполнение всех и вся.

Вот и сейчас, получив утверждение принятого решения, генерал Крот объявил его подчиненным, поставил задачи и организовал контроль за действиями подчиненных командиров, штабов и войск. При этом он назвал время готовности к наступлению. А поскольку я намеревался проверить реальную готовность частей и подразделений дивизии к наступлению почти

со стопроцентным охватом (у меня была для этого подготовлена большая команда офицеров другой дивизии), я предупредил генерала Крота, что начну проверку с момента его доклада мне о том, что дивизия готова наступать, а уже потом мы определимся дополнительно о времени «Ч» (время атаки).

Как я и предполагал, несмотря на напор комдива, приблизительно одна треть звена – от командира роты и ниже до солдата включительно – задачу знала слабо или вообще не знала. Обобщив данные, я собрал руководство дивизии (при этом постоянно присутствовал главком), доложил обстановку. Мой вывод сводился к тому, что хотя уже и проделана большая работа и что есть немало прекрасных примеров организаторской работы, но, если во многих подразделениях не знают задачи, считать дивизию готовой к удару я не могу.

На войне это имело бы такие последствия: прорыв мог не состояться вообще, или если бы и состоялся, то с большими потерями. Нам ни того ни другого не надо. – Командир дивизии, сколько вам потребуется времени на то, чтобы довести задачу до всего личного состава?

– Два часа, – горячился Крот.

– Я разрешаю вам отвести на это шесть часов, но чтобы вы лично были уверены в том, что все сделано как надо. И надо без разносов, а скрупулезно и терпеливо доводить задачу и проверять. Некоторых солдат и сержантов ознакомили с задачей, но они не осознали ее как следует, потому тут же и забыли. Учтите: когда вы доложите, что готовы, – я начну повторную проверку. И делаю это вовсе не потому, что вам не доверяю, а потому, что хочу, чтобы у нас на учениях отрабатывалась система управления, в которую мы бы сами верили. Мой метод таков: я еду в полк, спрашиваю у командира, какие он поставил задачи, а затем отправляюсь в какой-нибудь батальон, конкретную роту, взвод, отделение. В отделении беру одного солдата и беседую с ним, разбирая задачу на местности. Затем то же самое – с командиром отделения. Он мне докладывает и за отделение, и за каждого солдата, я слушаю и сопоставляю. Таким же образом веду проверку во взводе, роте, батальоне. В итоге лично по моим впечатлениям и докладам моих помощников создается полная картина. Итак, время уже пошло. Через шесть часов жду доклада. Одновременно посмотрим, как работают штабы полков и дивизии по доведению задач войскам.

Командир дивизии и его окружение приступили к работе. Главком отвел меня в сторону:

– Учитывая, что дело затягивается, поеду в свой штаб. На какой час вы намерены назначить им время «Ч»?

– На утро, конечно. Но чтобы они не скучали, у меня есть много различных вводных, которыми будут задействованы все. Если возникнут вопросы, я вам, товарищ главнокомандующий, доложу.

– Ну, добре. Я поехал.

Когда у Кошевого было настроение хорошее, то он говорил: «Добре». Переход на украинский язык означал, что он «потеплел». Вот и теперь я почувствовал, что он во многом со мной согласен, хотя мои действия были далеко не ординарны.

Утром дивизия начала наступление в целом организованно. И «прорыв» обороны был проведен нормально. И ввод в бой второго эшелона дивизии – мотострелкового полка для форсирования Эльбы с ходу – тоже был проведен по установившимся канонам. Но вот сам выход к реке – широким фронтом и ударно – не получился.

Пришлось опять собирать руководство дивизий и разъяснять:

– Такое форсирование, тем более с ходу, обречено. Все силы растянулись. К Эльбе подошли чахлые, плохо обеспеченные подразделения, да еще без надежного прикрытия, ясно, что, будь это война, они были бы все перебиты.

Теперь обратите внимание на момент подхода к реке: большая часть артиллерии была в движении, а не на огневых позициях, огонь по западному берегу еще не вела. Авиация (верто-

леты) вызвана поздно, когда передовые подразделения уже фактически преодолели большую часть реки. Нет, так форсировать нельзя!

Дивизия, прорвав оборону и введя в бой свой второй эшелон, должна действовать как тигр, преследующий свою жертву. Он мчит за ней буквально по пятам. А в момент, когда надо сделать решающий прыжок, он мгновенно собирает все свои силы и возможности. Удар – и в горло сбитой с ног жертвы вонзаются роковые клыки. Все!

Так и дивизия. Наступая отходящему противнику буквально на пятки, чтобы на его плечах форсировать реку, вы в то же время уже за 7—10 километров до реки должны полностью подтянуть и развернуть всю свою и приданную артиллерию дивизии и гвоздить противника по его переднему краю. Наблюдательные пункты артиллеристов выскакивают на свои места для управления огнем вместе с танками первой линии. Эти танки, используя складки местности и опушки леса на восточном берегу, интенсивным огнем прямой наводкой уничтожают все живое на позициях противника, прикрывая выдвижение артиллерии для такой же стрельбы и десанта. А десант дивизии, собрав воедино все свои силы для решающего броска, выскакивает на точно определенных направлениях и, поливая противника из пулеметов, решительно и одновременно по всему фронту бросается в воду и устремляется к западному берегу. Штурмовая авиация тем временем уже приступила к «обработке» противника на берегу и в ближайшей глубине. Артиллерия, ведущая огонь с закрытых позиций, переносит огонь на батареи противника.

Не успел десант первым сапогом коснуться западного берега, а понтонеры, с ходу выскакивая к реке и сбрасывая в воду понтоны, уже собирают их в паромы, на которые грузятся танки второй линии и переправляются на противоположный берег. При этом танки первой линии продолжают вести огонь прямой наводкой по вновь обнаруженным огневым точкам. А у нас противник реально обозначен подразделениями. Он ведет огонь холостыми выстрелами. Так что целей у вас полно.

Как только первые танки дивизии на паромах доставлены на западный берег, мы должны наблюдать строительство наплавного моста через Эльбу. За 20–25 минут мост должен быть готов, после чего танковый полк второго эшелона дивизии на повышенной скорости «пролетает» через реку, развертывается на ее западном берегу и, сокрушая все на своем пути, захватывает назначенный рубеж. Но противник просто так не отдаст свой берег. И вы в этом убедитесь. Но если вы с этой задачей справитесь, то мы сможем перейти к последнему этапу учения – «Бои по удержанию плацдарма». Таков наш замысел. Я вам его приоткрыл слегка, – закончил я излагать план учений.

Наступила тишина. Комдив смотрел на меня, не зная, с чего начать. Тогда я предложил: – Сейчас всех и все необходимо вернуть в исходное положение, то есть на рубеж начала преследования. Посредники участковые и войсковые знают, где он проходит на местности. Затем надо будет все то, что я сказал, довести до всех подразделений, но – детализируя. Там, где требуется, провести на местности занятия тактико-строевым методом – я разрешаю это. На это все даю вам оставшийся день и ночь. К преследованию противника приступаем завтра с утра.

Обратившись к главнокомандующему, спросил – будут ли у него какие-нибудь указания. Он сказал, что надо использовать все возможности и научить подразделения и части искусству форсирования. И дал команду, чтобы приступили к действиям. Затем неожиданно похвалил:

– Да, с тигром у вас получилось гарно. Но, как я понял, вы же служили на Севере? Почему же тигры?!

Я рассмеялся, и он – тоже.

– У нас на Севере медведи. Однако и у медведя приблизительно такая же тактика.

– Это верно, – согласился главнокомандующий. – Когда я служил в Сибирском военном округе, то не раз мы ходили там на медведя, на волка. Я хорошо знаю их повадки. А стая

волков – это вообще грозная сила, особенно в поле или в перелеске. В лесу хоть можно на дерево забраться.

Немного поговорили об охоте. Потом главком сказал:

– Хорошо. Продолжайте учения. Своих помощников я заберу, а, возможно, завтра утром на форсирование подъеду.

Действительно, утром, за час до начала действий, маршал Кошевой уже стоял на вышке штаба руководства в районе населенного пункта Кёнерт. Я доложил ему обстановку. Он переговорил с командирами дивизии и полков, пообщался с товарищами из штаба руководства.

Утро выдалось как по заказу – ясное, солнечное, по небу бежали небольшие белые тучки – вечные странники. Река – мирная и почему-то притихшая – медленно катила свои воды куда-то вдаль, оба ее берега, казалось, не дышали. А на самом деле и у «противника» и тем более в дивизии, готовившейся к наступлению, все кипело. Ведь никогда не хватает времени на то, чтобы выполнить все намеченное точно в срок.

Первой заговорила дальнобойная артиллерия. А за ней – все пошло-поехало.

И форсирование реки в общем получилось. Правда, не все обошлось гладко. Но так никогда и не бывает, тем более на войне. Однако изложенные мною позиции были в принципе выдержаны.

Вслед за первым эшелоном Эльбу форсировал командно-наблюдательный пункт командира дивизии вместе с генералом Кротом. Главком приказал, чтобы его по радио вызвали к нему на вышку. Когда генерал поднимался к главкому – уже был готов мост через Эльбу и по нему пошел танковый полк.

Мы все, как замороженные, смотрели на эту картину: танки на строго определенных дистанциях и на значительной скорости двигались по наплавному мосту так, что понтоны своей верхней кромкой под каждой машиной проседали чуть ли не до воды. Комдив нервничал. Но вот промчался последний танк, и все облегченно вздохнули. А до наплавного моста закончили перебрасывать на паромках танки полков первого эшелона и приступили к артиллерии.

Главкомандующий мирно беседовал с командиром дивизии. У того от бессонных ночей легли темные круги вокруг глаз, щеки впали. Но, как всегда, комдив был хорошо выбрит, докладывал четко. Убедившись, что учение развивается нормально, тем более что не произошло ни одного чрезвычайного происшествия, главком сказал мне:

– Продолжайте, товарищ Варенников, учение по утвержденному плану. Правда, по срокам оно получилось побольше с учетом повторения эпизодов, – и вопросительно посмотрел на меня.

– Товарищ главкомандующий, – сказал я, – вы нам помогли – подняли дивизию за неделю раньше до начала учения, так что наши издержки полностью компенсируются.

– Верно, мы помогли, – засмеялся маршал. – Ну, хорошо. Учеба есть учеба. Продолжайте учения, а по завершении их позвоните и доложите.

Маршал Кошевой уехал, а у меня осталось двойственное чувство: с одной стороны, я, кажется, нашел с ним контакт, а с другой – не был уверен в том, что он положительно отнесся к моим методам. По всей вероятности, он мне вроде бы поверил, но если так, то почему он все-таки держал своих «церберов» в войсках до последнего?

И все же в целом я оценивал общую ситуацию положительно. И это придавало сил и уверенности.

Учение прошло нормально. Первый «блин» отнюдь «комом» не получился. Все вышло так, как надо, как хотелось. На разборе учений я поставил дивизии хорошую оценку, но сделал оговорку:

– Конечно, если бы мы начали оценивать все, идя по пути первоначальных действий, то у нас был бы большой дефицит в баллах. Но поскольку в ходе учений части в целом научились

умело организовывать и проводить различные боевые действия, я ставлю дивизии хорошую оценку. Уверен, что и в боевых условиях она выполнит свою задачу успешно.

Кстати, прежде чем делать разбор, я позвонил главкому. Доложив об окончании учения, я сказал, что хотел бы знать его мнение и оценку. А он мне в ответ: «А вы как думаете?» Я понял, что даже в этом он меня проверяет. Конечно, я изложил свою позицию, с которой потом выступил и перед офицерами дивизии на разборе. К моей оценке главком отнесся одобрительно и поинтересовался:

– Вы будете делать разбор на Магдебургском полигоне?

– Пожалуй, нет, – ответил я. – Полагаю, что учения можно считать законченными, когда все и всё вернется в пункты постоянной дислокации. Да и сам разбор – это важнейший элемент подготовки офицерского состава. Сейчас офицеры устали, поэтому восприятие будет не таким, как хотелось бы. Вот вернутся к себе, отоспятся и на разбор придут со свежей головой. Тогда от него и толк будет.

– А все-таки когда разбор?

– Через трое суток после окончания учения: сутки – для работы на маршрутах к границе и на рубежах; сутки – на возвращение в пункты постоянной дислокации – это более 250 километров и сутки – на подтягивание хвостов и приведение личного состава в порядок.

Главком согласился.

Но когда я в Потсдаме в Доме офицеров дивизии делал разбор учений, внезапно приехал Туронтаев. Заметив мое удивление, пояснил:

– Главком вызвал меня и говорит: «Поезжай – поприсутствуй. Тебе тоже надо изучать кадры». Вот я и приехал. Изучать. – Меня? – спросил я. – Разумеется.

Разбор хоть и длился долго, однако получился интересным, так как оказалось много замечательных примеров, характеризующих и части, и дивизию в целом. Отбросив всю шелуху, я по-крупному сделал выводы, дал оценку учениям, а в заключение наградил группу особо отличившихся офицеров.

Учитывая, что на разборе присутствовал начальник штаба Группы, я обратил внимание на подготовку не только командиров и войск, но и штабов. Поблагодарил штаб руководства, офицеров Управления и штаба Группы, которые вместе с главкомом оказывали нам помощь.

Когда все закончилось и мы с Владимиром Владимировичем Туронтаевым уже спокойно пили чай, он вдруг вспомнил, как я благодарил офицеров, которые вместе с главкомом оказывали нам помощь, рассмеялся и сказал: – Представляю, как они потрепали вам нервы.

– Знаете, Владимир Владимирович, скажу откровенно – я ожидал более сложной обстановки. Да и главком вел себя ровно. Правда, он меня капитально «пощупал» по плану подъема армии по тревоге и по плану проведения учений с 10-й гвардейской. Все остальное прошло мирно.

Туронтаев ответил:

– Думаю, что он уже кардинально изменил к вам отношение. Раньше, до вашего приезда, он проклинал всех начальников, особенно Главное управление кадров, приговаривая: «У нас в Группе полно своих отличных, заслуженных генералов, которые будут успешно командовать армией, а мне выкопали какого-то с Заполярья – он там, кроме снега, ничего и не видел». А позавчера захожу к нему в кабинет, а там полковник Козенко – начальник КЭУ Группы. Главком говорит: «Ну, у тебя все? А как там со строительством городка для учебного полка связи в Альтенграбове? Вот как раз начальник штаба подошел». – «Все идет к завершению. И командующий 3-й армией подключился...» – загадочно говорит Козенко. Тогда главком спрашивает: «Что ты имеешь в виду?» Полковник отвечает: «Звонит мне командарм и говорит: „Нагнал ты народу много, но они ничего не делают. Я их, – говорит, – на столбах вешать не буду, как тебя главком, но ведь пересажая на гауптвахту, хоть они и гражданские, и буду водить на работу

с конвоиром. Так что принимай меры!». Мы все рассмеялись, а главком говорит: «Правильно сказал командарм! Заставь их как следует работать».

Я внес поправку:

– Владимир Владимирович, это я сказал полковнику Козенко для того, чтобы он прислал кого-нибудь сильного из организаторов. Они там все ползают, как неприкаянные, а дело стоит. Никто их и не думал сажать. Это для острастки.

– Да, мы так и поняли. Но сам факт оценки ваших действий уже говорит об изменении отношений. Да и мое направление к вам на разбор – тоже: обычно я никогда не бываю на таких разборах. А в этот раз это означает не контроль, а придание большего значения этому мероприятию.

Я промолчал. Затем Владимир Владимирович долго говорил о главкоме. Что он очень много и самоотверженно трудится, совершенно не щадя себя. В отпуске почти не бывает. Вот и в этом году всего две недели пробыл в Бадзарове, да и то ему раз в два дня возили документы. Группа при нем преобразилась, особенно учебные центры, полигоны, а их много, и они – огромные. На этой почве у него сложились тяжелые отношения с Евдокимом Егоровичем Мальцевым – членом Военного совета, начальником Политуправления Группы. Мальцев считает, что это напрасные затраты, а Кошевой – что они необходимы, и добавляет: «Ты не лезь не в свое дело». А тот на дыбы: «Это неправильно». И пошло. Я сам не мог определиться: если рассуждать с долгосрочных позиций, то главком прав – все это окупится. Если смотреть, только исходя из сегодняшнего дня, то вроде расходы действительно большие, и в этом Евдоким прав.

Учитывая такую ситуацию, мы с Владимиром Леонидовичем Говоровым, первым заместителем главкома (назначен недавно с нашей 2-й гвардейской танковой), решили не вмешиваться – пусть разбираются сами.

Кстати, надо учесть, что главком патологически не переносит немцев. Поэтому старается уклоняться от встречи с ними, проведения совместных мероприятий. Все это он возложил на первого заместителя. А Владимир Леонидович Говоров – человек творческий. Будучи еще командармом, наладил с немцами хорошие деловые связи. Сейчас это ему помогает. Для наших немецких друзей он – авторитетная фигура.

Но если говорить о линии, проводимой в отношении военных и всего населения ГДР принципиально, то у нас самые добрые и благоприятные отношения. Немецкие товарищи с пониманием относятся к Петру Кирилловичу – у него во время войны очень сильно пострадали родственники в Кировоградской области. Думаю, что нам тоже надо будет налаживать связи с немецкими товарищами.

Через некоторое время главком собрал у себя совещание. Присутствовали командующие армиями, а их было пять, начальник штаба и член Военного совета – начальник Политуправления Группы. Говорова не было. Обсуждали три вопроса – состояние воинской дисциплины (главный), завершение учебного года и предстоящие командно-штабные учения Группы войск.

О состоянии воинской дисциплины докладывал каждый командарм. Главком и член Военного совета сосредоточили свое внимание на 8-й гвардейской армии (командарм И. Юрпольский) и на 1-й гвардейской танковой армии (командарм И. Герасимов). У Юрпольского был очень большой рост происшествий. Причем при докладе он значительно занизил цифры, что вызвало буквально гнев главкома: «Ты же генерал, как ты можешь так опуститься и врать?» А Мальцев добавил: «Иван, я тебя знаю давно. Ты постоянно стремишься все приукрасить. Тебе самому надо больше работать. Если ты лично не поправишь положение в армии с дисциплиной – вынужден буду вызвать тебя на парткомиссию. Терпение уже лопнуло». Потом переключились на Герасимова.

– Представьте себе картину, – начал главком. – Командующий армией проводит учения с одной из дивизий. Условия выхода дивизии из города, а она располагается в Дрездене, сложные. Но если условия сложные, так ты все предусмотреть, чтобы ничего не случилось! А что

делается? На весь город поставили двух или трех регулировщиков – неподготовленных солдат – и все! И в итоге что? Один грузовой автомобиль, отстав от своей колонны, мчался по Дрездену с большой скоростью. На перекрестке в центре города машина налетает на трамвай и от удара загорается. В трамвае жертвы. Но и это не все. Машина горит, а в ней не просто снаряды, а реактивные снаряды. Хорошо, что немецкая полиция быстро сработала, вызвала пожарную команду. Тягач, поливая машину, одновременно отбуксировал ее за город. А начни летать снаряды по такому громадному городу? Это же беда! Нетрудно представить, что могло бы быть. Командарм, доложите: чем объясняется такая подготовка к учениям? – Товарищ главнокомандующий, – начал было тот, – дело обстояло несколько не так...

– Ты мне доложи – почему плохо подготовлено учение! Оно еще не началось, а уже такое происшествие.

И так в этом же духе минут пятнадцать. Конечно, все остальные притихли. Я в том числе. Мне тоже нечем было хвалиться – в армии 167 происшествий за 8 месяцев. И хоть на тысячу военнотружущих личного состава у нас приходилось меньше, чем у других, но общая цифра просто ошеломляла. Наверное, руководство учло мое недавнее пребывание в должности, поэтому ограничилось только некоторыми указаниями.

Затем главнокомандующий предоставил слово Туронтаеву, который напомнил, какие еще у нас не проведены учения. А главнокомандующий отметил, что на учении в 10-й гвардейской танковой дивизии была группа офицеров штаба Группы, и подчеркнул, что учение хорошо подготовлено и умело проведено. Это, конечно, для меня было очень высокой оценкой. Когда главнокомандующий сказал, что будет на этот счет направлена информация, я вообще почувствовал себя неловко.

О командно-штабном учении Группы было сказано всего несколько общих фраз, но никто ничего не уточнял. И я – тоже.

Зато после совещания меня все обступили и давай нажимать: «Чем ты удивил главнокома?» Я, разумеется, был немногословен: учение как учение. Постарался перевести стрелку на другую тему – о групповом командно-штабном учении. Зашли к Туронтаеву. Он сообщил, что учение будет проводить главнокомандующий, но посредников пришлют из Центра (то есть из Генерального штаба и какого-то военного округа).

Вскоре приехали из Киевского военного округа посредники во главе с командующим войсками генерал-полковником В.Г. Куликовым. Почему-то одновременно распространились слухи, что будто бы Куликов может заменить Кошевого. Во время учений мне удалось познакомиться с Виктором Георгиевичем Куликовым, и я без дипломатического захода прямо спросил:

– Вы приехали в связи с предстоящим назначением на Группу?

– Все может быть, все может быть, – шутил Виктор Георгиевич.

Но, видно, все-таки дыма без огня не бывает. Буквально через месяц сменилась власть – Петр Кириллович Кошевой уехал в Москву (никто не знал, куда конкретно), а Группой войск стал командовать Виктор Георгиевич Куликов. Вслед за Кошевым отбыл Владимир Владимирович Туронтаев – на штаб Группы приехал генерал-лейтенант Владимир Захарович Якушин. Сменились и другие руководители. Но из числа ведущих фигур В.Л. Говоров и Е.Е. Мальцев остались.

Жизнь и учеба в Группе войск в Германии продолжались под прежними знаменами, но с другим главнокомандующим. В сравнении с Кошевым генерал-полковник Куликов был, конечно, более склонен к обсуждениям, отысканию общих взглядов. Это обеспечило ему общий язык не только с членом Военного совета Мальцевым, но и с советским посольством в ГДР (Петр Андреевич Абросимов), и с руководством Министерства обороны (Гофман), и с Министерством госбезопасности (Мильке), и со всем политическим руководством ГДР – Вальтером Ульбрихтом, Эрихом Хонеккером, Вилли Штофом и другими.

Когда сейчас вспоминаю те годы, конечно, многое приходит на память. Во-первых, это была настоящая боевая учеба. Иногда увлечения и фантазия начальников доходили до классических форм.

Например, я провожу учения с 47-й гвардейской танковой дивизией, и тоже с форсированием Эльбы, но только наоборот – с запада на восток. Приезжает главнокомандующий В.Г. Куликов и ставит командиру дивизии генералу Г. Ворохобу задачу – всем (!) танкам дивизии преодолеть Эльбу только по дну реки, при этом каждый батальон должен иметь свою трассу. И готовили все необходимое, и преодолевали по дну, и все проходило нормально (никого не утопили), потому что предварительно разведку дна на таком огромном фронте проводили двое суток.

Однако самыми знаменательными для меня и для всей армии стали проведенные в зиму с 1970-го на 1971 год армейские войсковые учения. На учения вышла вся армия: пять дивизий, три бригады и девять отдельных полков. Все казармы закрыты на ключ. В военных городках только круглосуточный патруль. Армия была поднята внезапно по тревоге ночью. Зима. Шел холодный дождь. Соединения, части, штабы вышли, а запасы вывезли в запасные районы. Все было тщательно проверено. Затем Главнокомандующий Группой – руководитель учения – поставил задачу в течение суток совершить марш и сосредоточиться в северо-восточном районе ГДР. Дождь продолжал лить. Задача с маршем и сосредоточением выполнена. Но, чувствую, личный состав уже измотан, особенно командиры. Во-первых, потому, что хотя привалы и были, но марш совершается круглые сутки, и, во-вторых, идет непрерывный дождь. Температура нулевая, однако поскольку дует сильный ветер, то, конечно, промокший, да еще после двух бессонных ночей, солдат чувствует себя скверно. Ясно: надо срочно поднять боевой дух.

Отдал распоряжение о немедленной организации обогревательных пунктов на весь личный состав (палатки всех видов, брезентовые покрытия, крытые кузова машин с калориферами или печками). Всему личному составу удвоили норму питания (за счет первого вида), особенно мяса, сала, масла, сахара. А горячего крепкого сладкого чая и белого хлеба – в неограниченном количестве круглые сутки.

Организовав все меры безопасности, особенно позаботясь, чтобы не сгорели или не угорели люди, все, кроме старшего звена командиров и штабов, приступили к сушке и отдыху. Однако прежде была организована круговая оборона, выставлены полевые караулы на всех дорожных направлениях, создана система наземного и воздушного наблюдения, средства ПВО приведены в боевую готовность. Штабы имели две смены – одна работает, а вторая отдыхает. В то же время рассчитывать на значительную паузу в действиях не приходилось. Как я и предполагал, сразу после моего доклада о сосредоточении войск армии в указанном районе в установленные сроки последовала директива командующего войсками фронта (т. е. руководителя учения) о подготовке и проведении операции с целью разгрома противостоящего противника. Поэтому были задействованы все основные командиры и штабы, от полка и выше. А личный состав готовил себя и боевую технику к боевым действиям.

Суть боевой задачи состояла в том, что армия, занимая полосу обороны, обязана была отразить внезапное нападение противника, перейти в решительное контрнаступление и полностью разгромить агрессора на его территории. У читателя может возникнуть вопрос: зачем ждать нападения противника? Если имеются достоверные данные разведки о том, что он уже изготовился к наступлению, то надо наносить упреждающий удар – вначале артиллерией и авиацией, а затем добить его войсками. Разумеется, это и логично, да и правомерно с учетом тяжелейшего опыта Великой Отечественной войны. В то же время мы никогда не должны забывать о миролюбивой сущности советского социалистического государства. Оно не может и не должно выглядеть агрессором даже по формальным признакам. Вот почему начальный период войны отрабатывался именно так, чтобы, во-первых, не позволить противнику вклиниться на нашу территорию (а если это ему удастся – выбить!), сразу же с первым его выстрелом обру-

шить на него всю мощь нашей артиллерии и авиации, а во-вторых, перейдя в решительное наступление главными силами, полностью разгромить агрессора.

Вот такая двудеиная задача и стояла перед армией: отразить удар и перейти в контрнаступление. А в целом это отвечало нашей политической линии – в условиях «холодной войны» не дать нашим оппонентам повода для своих выпадов.

Учитывая это и имея в виду, что группировка войск должна быть создана именно так, чтобы выполнить и ту и другую задачу, было принято решение: на правом фланге и в центре оперативного построения армии в первом эшелоне поставить 10, 12 и 47-ю танковые дивизии; на левом фланге на широком фронте – одну 207-ю мотострелковую дивизию. Кроме того, в полосе этой дивизии иметь все основные противотанковые средства и установить как можно больше инженерных заграждений, в том числе минных полей; во втором эшелоне армии иметь 25-ю танковую дивизию, которая предназначалась для ввода в сражение с целью развития контрнаступления, а также для проведения контрудара в случае прорыва противника в полосе 207-й мотострелковой дивизии (на левом фланге армии). В свою очередь, танковые дивизии первого эшелона имели в первой линии мотострелковые полки и по одному танковому полку. Два других танковых, находясь во втором эшелоне, вводились в бой с переходом в наступление.

Таким образом, надо было решать две задачи – оборона и наступление. И там и там требовались огромная организаторская работа и практические действия по проведению инженерного оборудования (одних только траншей и ходов сообщения на основных, запасных и отсеченных позициях насчитывались сотни километров). Исключительное место при организации действий заняло определение и инженерное оборудование маршрутов выдвижения и рубежей развертывания для вторых эшелонов и различного рода резервов, а также огневых позиций для артиллерии, Ракетных войск и средств противовоздушной обороны. Особое место, естественно, заняли вопросы организации управления войсками, инженерного оборудования пунктов управления и всестороннего обеспечения войск (в том числе тылового обеспечения).

Тем, кто никогда в жизни не участвовал в процессе организации боя и операции (и тем более ведения боевых действий) даже на учении, конечно, очень тяжело представить весь объем и сложность задачи. Ведь требуется организовать согласованные – по времени, месту и задачам – действия десятков тысяч воинов, имеющих тысячи танков и орудий, и направить их на достижение единой цели. Это очень трудная и сложная задача, но она выполнялась.

Была выполнена эта задача и на этих учениях. Правда, все действия, вся операция (все учения) проходили в сложнейших климатических условиях. Вначале непрерывно шел холодный зимний дождь со снегом, а с началом нашего наступления температура упала до минус 9—12 градусов и все вокруг покрылось сплошным льдом. Дороги и маршруты превратились в буквальном смысле в ледяной каток.

Несомненно, испытания – и морально-психологические, и физические – были колоссальными. Но личный состав со своими задачами справился. Армия была отмечена на разборе руководителем учения. И конечно, я эту оценку отношу ко всем офицерам и солдатам.

С особой благодарностью вспоминаю товарищей, которые блестяще проявили себя и на этом учении, и вообще, когда мы все вместе тянули этот огромный армейский воз. Вот их имена: генерал П.Г. Лушев – первый заместитель командарма, а в итоге своей службы стал генералом армии, первым заместителем министра обороны СССР; генерал Н.В. Сторч – начальник штаба армии, а в последующем генерал-лейтенант, начальник одного из ответственных управлений Генерального штаба; генерал В.М. Турбин – начальник Ракетных войск и артиллерии армии; Герой Советского Союза генерал М. Манакин – начальник тыла армии, затем стал начальником тыла Московского военного округа; генерал В.Н. Крот – командир 10-й гвардейской танковой дивизии, Герой Советского Союза (через несколько лет трагически погиб); генерал С.А. Стычинский – командир 12-й гвардейской танковой дивизии, в последующем генерал-полковник, первый заместитель начальника Главной инспекции Воору-

женных Сил; генерал Н.С. Меркулов – командир 25-й танковой дивизии, на завершающем этапе службы руководил Донецким областным военкоматом (состояние здоровья не позволило иначе); генерал Г.И. Ворохоб – командир 47-й гвардейской танковой дивизии, в последующем переключился на педагогическую деятельность в Военной академии Генштаба; генерал В.Н. Вережкин-Рохальский – командир 207-й мотострелковой дивизии, который стал генерал-полковником и по сей день успешно трудится в должности первого заместителя председателя Комитета ветеранов войны и военной службы Российской Федерации. Конечно, было очень много и других ярких личностей, например, полковник Нестеренко – начальник оперативного отдела армии, и другие. Все они заслуживают особо теплых слов за их эффективный и самоотверженный труд, что в итоге вывело армию в лидеры Группы Советских войск в Германии.

Не описывая всю эпопею этих тяжелейших учений, скажу лишь одно: к нашей всеобщей радости и на удивление руководителей учения, армия не только в полном объеме выполнила все многогранные задачи и проявила себя при этом положительно, продемонстрировав высокую боевую способность, но и не допустила ни одного случая какого-либо происшествия, тем более с увечьем личного состава или серьезной поломкой боевой техники. А ведь участвовали на учениях десятки тысяч солдат и офицеров.

Глава 2

Политические проблемы ГДР: взгляд со стороны

Немцы – разные, но корень – один. – Весна 1971 года: парад в Магдебурге. – Ульбрихт – Хонеккер – Штоф – Гречко – Брежнев. – Расставание с армией. – Первый заместитель у трех Главкомов ГСВГ. – Войсковые учения всех уровней – школа высшего класса

Весной 1971 года в наших краях проходили маневры Национальной народной армии (ННА) Германской Демократической Республики, которые закончились парадом войск ННА в Магдебурге. После парада здесь же, в Магдебурге, проводился разбор маневров. С докладом выступил министр обороны ГДР генерал армии Г. Гофман. Разбор сопровождался показом кинохроники учений. Это выглядело очень эффектно.

Фактически мероприятие было посвящено 15-й годовщине образования Национальной народной армии ГДР. На эти торжества, естественно, прибыл наш министр обороны – Маршал Советского Союза А.А. Гречко. Приехали министры обороны и других стран социалистического содружества. Все политическое руководство ГДР, в том числе В. Ульбрихт, на протяжении всего парада, а также разбора находилось с военными. Это говорило не только о внимании к армии и флоту республики, но гораздо о большем.

А.А. Гречко, приехав в Магдебург накануне этих торжеств, остановился в гостинице Военного совета нашей армии. Затем, согласно протоколу, включился в проводимые мероприятия. А когда парад подходил к концу, он «прихватил» второго секретаря ЦК СЕПГ Э. Хонеккера, председателя Совмина ГДР В. Штофа и отправился на обед – он проходил в той же гостинице. Беседа носила доверительный характер и касалась самых сложных вопросов внутренней жизни страны. Я тоже присутствовал, однако делал вид, что всецело поглощен своими вопросами.

Беседа была весьма конструктивной и полезной. Я понял, что А.А. Гречко были даны высокие полномочия на этот счет. Результаты были впечатляющие, поэтому настроение у всех было приподнятое. Меня удивило, что министр обороны весьма свободно оперировал цифрами народного хозяйства СССР, знал хорошо показатели ГДР и ее соседей, делал сопоставления с ФРГ, где «план Маршалла» сделал свое дело – после Второй мировой войны поднял Западную Германию из гроба и сделал ее одной из мощных держав мира. Кстати, забегая вперед, надо отметить, что к 1980-м годам ГДР по объему промышленной продукции входила в число десяти ведущих индустриальных стран мира.

После обеда я отвез собеседников в здание, где проходил разбор учений. К моменту нашего прибытия он уже шел к завершению. Однако отсутствие А.А. Гречко и тем более Э. Хонеккера и В. Штофа, хоть и не особенно длительное, не осталось незамеченным. Их появление отдельные несдержанные лица встретили радостными возгласами, что вызвало явное неудовольствие В. Ульбрихта. Главнокомандующий Группой войск в Германии генерал армии В.Г. Куликов все это время был неотлучно с В. Ульбрихтом и Г. Гофманом. Судя по всему, между нашим министром обороны и Главкомом Группой на этом мероприятии были распределены функции. Но, как бы то ни было, всему приходит конец. Закончилось и это грандиозное чопорно-торжественное, проведенное строго в немецком стиле торжество. Все разъехались, и мы вместе с руководством Магдебургского округа облегченно вздохнули. Служба проходила нормально. Однако наступило лето, и пришла пора расстаться с армией. Меня назначили первым заместителем Главнокомандующего Группой войск. Мой предшественник генерал-лейтенант В. Говоров убыл командовать Прибалтийским военным округом. Разумеется, любое прощание несет на себе отпечаток печали, тем более если в то, с чем расстаешься, вложено немало труда. Армию я полюбил и знал, что наши чувства взаимны. Утешало лишь то, что я не полностью порывал со своей армией, а всего лишь переходил в Вюнсдорф и все мы оставались

под знаменами Группы войск. Это облегчало расставание – все-таки еще не раз встретимся и будем общаться.

В мои функции на новом посту входили подготовка и проведение всех учений Группы войск. Это касалось и совместных учений с ННА ГДР. Кроме того, я обязан был контролировать учения, которые проводятся в армиях. А в целом меня касалось все, что являлось главным содержанием деятельности Группы войск (в том числе боевой подготовки).

Несомненно, и В.Г. Куликов, и С.К. Куркоткин, и Е.Ф. Ивановский, принимая пост Главнокомандующего Группой войск, проводили лично много учений, но все-таки это была только часть тех мероприятий, что проводились в Группе. И это объяснимо. Должность Главнокомандующего Группой в то время являлась больше военно-политической, чем чисто военной. Он должен был много времени уделять политическим и государственным органам ГДР, министерству обороны и другим министерствам этой страны, посольству Советского Союза в ГДР, различным делегациям и представительствам, приезжающим из СССР в ГДР, и т. д.

Мне же, как первому заместителю главнокомандующего, предоставлялась полная свобода действий. А поскольку учения и вообще боевая учеба войск были для меня настоящей отрадой, то, конечно, служба на новом поприще приносила мне полное удовлетворение. У меня и получалось неплохо. И главнокомандующие по достоинству оценивали мой труд, особенно Куликов и Ивановский. Что касается Куркоткина, то он относился ко мне несколько настороженно, как и ко всем офицерам, которые были близки к Куликову, его предшественнику на должности главкома. Дело в том, что в свое время Куркоткин командовал армией в Белорусском военном округе, а Куликов был у него заместителем по боевой подготовке. Затем служба сложилась так, что Куркоткин «засиделся» на Закавказском военном округе, а Куликов в это время откомандовал Киевским военным округом, затем Группой Советских войск в Германии и получил вторую по значимости в Вооруженных Силах должность – начальника Генерального штаба. Куркоткин же только был назначен на Группу войск. Будучи человеком очень завистливым и в то же время надменным, он очень переживал эту «несправедливость», не желая понимать того, что любого человека (а военного тем более) в первую очередь украшает его благородство, человечность, а в военной жизни после должности командира дивизии часто продвижение по служебной лестнице идет совершенно по не зависимым от тебя обстоятельствам, как бы ты ни работал. Итак, я полностью окунулся в свою родную стихию. Мне в полной мере приходилось взаимодействовать с начальником штаба Группы генералом Владимиром Захаровичем Якушиным – энергичным человеком с бурлящей натурой, а также с начальниками служб Группы, и особенно с командующим Ракетных войск и артиллерии генерал-лейтенантом В. Коритчуком, командующим знаменитой 16-й Воздушной армией Героем Советского Союза генерал-полковником А. Катричем, начальником инженерной службы Группы генералом С. Агановым и другими.

Но главной моей опорой было Управление боевой подготовки Группы, которым командовал генерал Сергей Иванович Молокоедов – мой старый сослуживец по Северу. То ли Север скрепляет людей, то ли доминировала личная высокая порядочность Сергея Ивановича, а может, сказывалось и то и другое, но факт остается фактом: в его лице я всегда находил полную поддержку во всех начинаниях и действиях. А окажись у Сергея Ивановича такие черты, как у Куркоткина (ведь у нас получилось приблизительно то, что у Куликова с Куркоткиным: Молокоедов был командир дивизии, а я у него – заместителем), то, конечно, мне пришлось бы преодолевать в связи с этим немало препятствий. К счастью, Молокоедов оказался полной противоположностью Куркоткину, и теперь вот я с теплом вспоминаю нашу хорошую совместную службу. Искренне благодарен ему за многое.

Несомненно, особый отпечаток накладывала ответственность за подготовку и проведение совместных с немецкими друзьями учений. У нас соблюдалась и очередность руководства этими учениями – один раз ими руководил представитель наших Вооруженных Сил (то есть

Группы войск), в следующий раз – ННА ГДР. Естественно, все вопросы предварительно согласовывались со штабами (особенно по использованию полигонов, маршрутов движения войск и т. д.). Следовало отметить, что все-таки на территории ГДР было значительное количество войск: 20 наших танковых и мотострелковых дивизий и 12 дивизий ННА, плюс приблизительно такое же количество личного состава других родов войск (ракетчики, артиллеристы, авиаторы, инженерные войска, войска связи и т. д.). На небольшом «пятачке» ГДР «разгнаться» такой силе было непросто. Поэтому, чтобы добиться четкого взаимодействия всех этих сил, требовалось настоящее искусство и творчество.

Мне приходилось иметь дело непосредственно со многими военными руководителями ННА. Однако наибольшее, поистине неизгладимое впечатление на меня произвели такие личности, как министр обороны генерал армии Хайнц Гофман, начальник Главного штаба генерал Гейнц Кеслер, начальник оперативного управления генерал Фриц Штрелец (затем он стал начальником Главного штаба), главнокомандующий Сухопутными войсками генерал Хорст Штехбарт, главнокомандующий ВВС и ПВО генерал Вольфганг Рейнгольд.

Все они имели не только высокую военную и политическую подготовку, но и исключительные организаторские способности. Неспроста Национальная народная армия ГДР фактически на моих глазах выросла за 10–15 лет от нуля до грозной современной армии, оснащенной всем необходимым и способной действовать не хуже советских войск.

Естественно, мне больше всего на практике в поле приходилось взаимодействовать с главнокомандующим Сухопутных войск ННА генералом Хорстом Штехбартом. В годы Второй мировой войны он был на Восточном фронте, как и многие другие, но обычно вспоминал это время без радости, а чаще всего не поддерживал разговор на эту тему, и правильно делал. Безусловно, это человек умный, истинный патриот своей страны и интернационалист, умудренный, зрелый политик, дающий верные оценки всему, что произошло, имеющий высокую военную квалификацию. Мы с ним провели совместно не одно крупное учение.

Говоря о патриотизме, национализме и интернационализме, хотелось привести один характерный пример. Как-то в выходной день немецкие друзья пригласили нас в Берлин на центральный стадион. Играли две футбольные команды: «Динамо» (Москва) и «Динамо» (Берлин). Так получилось, что я оказался рядом с министром государственной безопасности ГДР генералом Мильке. Это очень заслуженный человек, антифашист, очень много сделал для своего народа, за что неоднократно отмечался высшими наградами. Мы сидели вдвоем, а остальные – несколько поодаль от нас. «Болели», естественно, каждый за свою команду. Кстати, встреча закончилась боевой ничьей со счетом два – два. Но главным был наш разговор с ним в ходе матча. Время проведения этой встречи совпало с окончанием очередных Олимпийских игр. На первом месте был СССР, на втором – США, на третьем – ГДР, на четвертом – ФРГ и т. д. Я, естественно, поздравил Мильке с выдающимися достижениями команды ГДР в спорте. Успех был обусловлен в первую очередь тем, что спорт, как и в целом физическая культура нации, был возведен в этой стране в ранг государственной политики. При этом была создана не только мощная материальная база, но и классическая система подготовки молодежи. Все преобразования происходили буквально на глазах – каждая школа, каждый институт, каждое предприятие и государственное учреждение имели свою спортивную базу до бассейна включительно. И везде были штатные группы преподавателей-методистов. Это давало отличные результаты.

Отвечая на мое поздравление, Мильке сказал:

– Спасибо за теплые слова. Но вы, Валентин Иванович (он хорошо говорил по-русски), обратите внимание на один момент: если сложить все медали, заработанные на Олимпиаде спортсменами ГДР и ФРГ, то что получается? – Впечатляющая цифра.

– Получается, что немцы завоевали больше всех медалей, в том числе золотых, и могли бы занять первое место. Я откровенно рассмеялся:

– Это дух патриотизма или национализма?

– Ну вот, начинается. Я рассуждаю как прагматик без всякой политической приправы. А что касается вопросов патриотизма и национализма, то скажите мне, где тут водораздел? Должен ли каждый патриот заботиться о национальном достоинстве? Я считаю, что даже обязан. Он не должен проповедовать превосходство своей нации или национальности над другими. Все другие должны быть тоже уважаемые. Но без национальной гордости не может быть и патриотизма. Вот и я, – продолжал Мильке, – конечно, страдаю за немцев: и тех, кто живет в ГДР, и тех, кто в ФРГ. Наша нация творческая, трудолюбивая, дисциплинированная. Она во всех отношениях может всегда пребывать в числе наиболее развитых стран. Но беда немцев в том, что они, как и в России, допускают к управлению страной авантюристов, которые уже не первый раз ввергают наше отечество в беду. А ведь народ мог бы процветать.

Он говорил, а я, внимательно слушая его, конечно, внутренне соглашался. Действительно, и у нас такая же беда: то Николай II, то Хрущев. Хоть бы еще судьба не подбросила нам какого-нибудь экспериментатора-реформатора! Так я подумал тогда. А судьба распорядилась иначе. Но все это будет много позднее. Важным для меня лично событием в то время было присутствие (буквально через месяц-два после моего назначения первым заместителем главкома) при разговоре, который состоялся между Хонеккером, с одной стороны, и послом СССР в ГДР Петром Андреевичем Абросимовым – с другой. При этом присутствовали: главком В.Г. Куликов, член Военного совета – начальник Политуправления Группы Е.Е. Мальцев и я. Мы прохаживались по широким дорожкам двора-парка у дома, где жил главком, спрятанного от посторонних глаз и тем более ушей. Абросимов умышленно уехал для этой встречи в Группу войск, чтобы не подставлять Хонеккера.

Впереди шли трое: Абросимов, Хонеккер и Куликов, за ними – Мальцев и я. Но мы шли близко, и поэтому все содержание разговора было слышно. Я расценивал наше присутствие как придание этому конфиденциальному разговору, на котором присутствовали члены Военного совета Группы, особо высокой значимости. Речь шла в основном о В. Ульбрихте. Дело в том, что он в последнее время особо нервно реагировал на встречи его соратников с советскими друзьями. А вообще категорически запретил кому бы то ни было появляться в советском посольстве. Он считал, что вокруг него разыгрываются различные интриги. В то же время проводил встречи с представителями руководства партий ФРГ, например с ХДСП. При этом речь шла об отыскании путей сближения двух Германий. Во внутренней политике он совершенно не терпел каких-либо прогрессивных предложений. А ведь их было немало. Например, о решительной реконструкции предприятий машиностроения, о внедрении электроники во все сферы производства и государственного аппарата, о молодежной политике, о развитии физической культуры в стране и т. д. Хонеккер приводил многочисленные конкретные примеры. В итоге разговор свелся к тому, что либо ему, Хонеккеру, надо уходить на другую работу, вплоть до посла в какую-либо страну, или же Вальтеру Ульбрихту надо по-хорошему стать почетным председателем СЕПГ, оставив пост первого секретаря партии для Хонеккера, который был вторым секретарем. Абросимов говорил, что здесь никакого давления быть не может, что было бы хорошо, если бы Вальтер сам это предложил, а доводить до обострения отношения с человеком, который отдал всю свою жизнь борьбе за интересы народа, нельзя. Но и тянуть дальше невозможно. Что касается ухода Хонеккера с активной работы, то это недопустимо, так как вся СЕПГ и весь народ ГДР видят именно в нем достойного преемника Ульбрихта.

В итоге Абросимов сказал, что, докладывая сегодня-завтра ситуацию Леониду Ильичу, он будет просить его направить в ГДР того, кто будет авторитетен для Вальтера и кто помог бы последнему «созреть».

На этом встреча закончилась.

В последующие дни и недели я долго еще лично для себя оценивал и переоценивал обстановку и все больше убеждался в том, как сложно решаются многие проблемы государственного

масштаба, когда лидер государства «поражен болезнями», мешающими ему управлять страной. Вот и с Ульбрихтом. Узурпировав всю власть в своих руках, как у нас Хрущев, он до поры до времени двигал все-таки развитие страны вперед. Но на определенном этапе стал тормозом, а эффективного механизма, чтобы убрать этот тормоз, нет. Но у нас при Сталине, например, и не надо было что-то убирать – страна развивалась высокими темпами. А вот Хрущев морочил голову всему народу десять лет. И лишь благодаря стойкости группы Политбюро во главе с Брежневым и с помощью председателя КГБ страны Семичастного все-таки удалось наконец его убрать. Но ведь он расправился практически со всеми старыми членами Политбюро. Опасался только нападать на Суслова.

Через полтора-два месяца после этого разговора Ульбрихт без потрясений, наоборот, в торжественной обстановке был возведен в ранг почетного председателя партии, а Хонеккер стал первым секретарем СЕПГ и, следовательно, главой государства. ГДР зашагала вперед и вверх.

В том же 1971 году после посещения Брежневым ГДР (вероятно, в беседе с Ульбрихтом обсуждалась и проблема пребывания его на посту первого секретаря СЕПГ) Виктор Георгиевич Куликов тоже сменил свой пост. Он был назначен начальником Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

Министр обороны маршал А. Гречко очень внимательно и постоянно лично следил за важнейшей группировкой Вооруженных Сил – Группой Советских войск в Германии.

Поэтому один-два раза в год он непременно появлялся в Группе и в каждый такой приезд обязательно посещал войска. Хорошо, если это был только смотр. А если подъем по тревоге и вывод войск на учения?! Конечно, в таких случаях напряжение всегда было на пределе.

Но иногда Гречко, находясь в хорошем расположении духа, допускал неожиданные и нехарактерные для него вольности (он был человеком весьма остроумным, начитанным, многогранным эрудит, понимал юмор и сам пользовался им весьма успешно). Причем это могло произойти сразу по окончании какой-нибудь официальной части.

Как-то во второй половине лета 1972 года, когда после Куликова уже откомандовал Группой войск генерал армии Куркоткин и на эту должность прибыл генерал-полковник Ивановский, министр обороны заканчивал свое пребывание в Группе. В кабинете у главкома за отдельным небольшим столиком сидели, пили чай и слушали министра обороны главком Ивановский, начальник штаба Якушин, член Военного совета Медников и я – заместитель главкома. День был субботний, время шло к обеду. Гречко высказывал свои впечатления от посещения войск (он здесь уже был трое суток и завтра улетал домой, а на вечер была назначена встреча с Гофманом). Каждый из нас, слушая его, делал пометки в своих блокнотах. Наконец министр обороны закончил и вдруг говорит:

– Мы начальника штаба оставим здесь. Возможно, будет звонить Гофман – надо будет ему передать, что я готов с ним встретиться, как договаривались, у меня в домике. А сейчас пойдем немного погуляем.

Андрей Антонович любил ходить не спеша, беседуя с попутчиками и отвечая на приветствия встречающихся военных и гражданских лиц. А с некоторыми из них затевал беседу.

Вот и на этот раз мы неторопливо шли по тротуару в сторону его домика, где он обычно останавливался. Вдруг министр останавливается и, окинув нас озорным взглядом, говорит:

– Я окончательно пришел к выводу, что мне надо провести состязание: с одной стороны – я, а с другой – представитель Военного совета Группы.

И, посмотрев каждому в глаза, продолжил:

– В программу состязаний включается: метание гранаты, бег на сто метров, плавание, фехтование и партия в шахматы. И опять смотрит, как мы реагируем. – Вы готовы?

– Конечно, товарищ министр, – сказал Ивановский, – мы будем считать за честь участвовать в таких состязаниях.

– Вот и прекрасно, – говорит Андрей Антонович, хитро улыбаясь.
Мы пошли дальше. Вдруг он опять останавливается и спрашивает:

– А кто от Военного совета будет выступать?

– Первый заместитель главкома – это по его линии, товарищ министр, да и сам Валентин Иванович спортивный человек, – ответил Ивановский.

– А вы готовы к этому? – надавил на меня министр. И, не ожидая ответа, добавил: – А вы учитываете, кто против вас выступает?

– Несомненно, товарищ министр, – ответил я.

– Последствия, которые в итоге всего этого могут быть, – представляете? – все тем же тоном спросил министр. – Так точно.

– Ну, если «так точно», то давайте разберем тактику ваших действий на этих состязаниях. Что касается метания гранат, то можете применять любую тактику – я переплюну весь ваш Военный совет. Разберем бег на сто метров. Как вы будете бежать? Все смотрят на меня. – Конечно, я должен бежать, отставая на один метр.

– Нет, нет! Что вы?! Это очень рискованно. Вдруг у самого финиша споткнетесь и, независимо от своего желания, вылетите вперед. Надо бежать минимум в двух-трех метрах сзади.

Дружный смех завершил разбор тактики спринтерского бега.

– А теперь поедem на озеро – поплаваем. С метанием гранаты и бегом фактически уже все решено – ведь второе место тоже приз. Давайте машину.

Подожли машины, и мы через пять минут были на озере. Взяли на месте плавки, подошли к берегу.

– Значит, так. Учитывая, что на той стороне никого нет, чтобы определить, кто же первый финишировал, то мы решим эту задачу, засекая время, потраченное на преодоление расстояния от нашего берега до вот той косы.

Это было метров двести пятьдесят – триста.

– Первым запускаем представителя Военного совета. Засекайте время. Вперед!

Я прыгнул в воду и с места в карьер взял бурный темп – поплыл баттерфляем. Однако на середине дистанции дыхание мое без тренировки выглядело неважно, поэтому я перешел на «спокойный» брасс. Выйдя на берег, поднял руку – мне ответили тем же, и я трусцой побежал вдоль берега к группе. А здесь меня ожидал сюрприз.

– Пока вы бежали, мы уже подвели предварительные итоги. Метание гранат – все прекрасно понимают, кому надо отдать первое место. Оно уже исторически закреплено. Бег на сто метров – представитель Военного совета при свидетелях заявил, как он намерен бежать, а это только второе место. Плавание – представитель Военного совета фактически сошел с дистанции: надо было проплыть туда и обратно, а он обратно пробежал по берегу. Поэтому мне можно сейчас показать любое время, и первое место обеспечено. Таким образом, по трем видам соревнований из пяти представитель Военного совета утратил первое место и тем самым уже никак не может занять первое место в целом. Но даже если мы продолжим, то те же шахматы сами говорят не в пользу Военного совета. Вы в шахматной партии сдаетесь? – напирал на меня Андрей Антонович.

– Товарищ министр, военный человек не должен сдаваться без боя.

– Это верно! Но и нет смысла идти в схватку, если знаешь, что обречен. Проигрыш только еще ниже уронит престиж Военного совета.

– Картина ясная, товарищ министр, – вмешался Ивановский.

– Ну, а сейчас все в воду! Поплаваем, – и Андрей Антонович первым решительно вошел в приятное теплое озеро.

Минут через двадцать мы уже сидели за столом в доме министра, пили мягкое «Псоу». Первый тост был за победителя в состязаниях, а следующий – за второе место Военного совета Группы.

Вот таким бывал иногда Андрей Антонович Гречко. Но такое случалось редко. Вся его энергия, дар природы – незаурядный ум, организаторский талант – были направлены и посвящены строительству и развитию Вооруженных Сил, поддержанию их постоянно на высоком уровне боевой готовности. Он сам лично понимал и внушал всем нам, что без мощных, отлично подготовленных Вооруженных Сил ни наши политики, ни наши дипломаты не могут успешно решать задачи в интересах Советского Союза. Он понимал это и действовал эффективно. И был на этом поприще беспощаден к тем, кто не понимал возложенной на него ответственности за честь, достоинство и безопасность нашей Великой державы.

Глава 3

Русские, немцы и поляки

Совместные учения. – Торжества и праздники. – Деловые встречи. – Разбор конфликтов. – Учения под руководством министра обороны СССР Гречко на территории Польши и ГДР. – Новое назначение. – Л.И. Брежнев, но уже лично

Весной 1973 года я возвращаюсь с очередных учений в Вюнсдорф. Захожу в кабинет, а ко мне заскакивает порученец главкома и говорит, что Евгений Филиппович просит немедленно зайти. Сбросил свои ремни и иду к главкому. Переступив порог, вижу, как Ивановский, прижав к уху трубку телефона «ВЧ», повторяет: «Товарищ министр обороны, я все понял. Есть, товарищ министр», – и все в том же духе до окончания разговора. Положив трубку на рычаг, обратился ко мне:

– Валентин Иванович, я разговаривал с министром. Думал, что он и тебе что-то скажет, но он поставил задачу через меня. Тебе приказано срочно вылететь в Легницу – в штаб Северной группы войск. Там ждет министр. На руках надо иметь карты: двухсотку – на территорию Польши и ГДР и сотку – на восточную часть ГДР, с отмеченными на ней полигонами. Самолет я уже заказал. Через двадцать минут можно лететь – пока доедешь до Шперенберга, самолет будет готов. Прихвати с собой двух-трех операторов. Начальник штаба команду получил. Они готовят карты. – А что произошло?

– Произошло обычное: министр обороны приказал начальнику Генштаба подготовить самолет к нам в Группу на аэродром Шперенберг. Взял с собой несколько операторов, Главкома ВВС П.С. Кутахова и полетел. Как только самолет вышел из московской зоны, он вызвал командира корабля и приказал сесть на аэродроме Северной группы войск (Легница). То есть изменил пункт посадки. Это, естественно, произвело эффект внезапности, что и требовалось министру. А он приземлился и сразу поднял по тревоге всю Группу войск в Польше. Сейчас все находятся в районе сосредоточения, а одна дивизия получила задачу совершить марш на запад, к Одеру. По-моему, она уже вышла.

– А что меня может ожидать?

– Ума не приложу. Возможно, будете посредничать? Но у него есть операторы из Генштаба.

Я отправился на аэродром с операторами, вооруженными картами и «тревожными чемоданчиками», – на всякий случай каждый офицер имел небольшой чемоданчик, укомплектованный всем необходимым для жизни и деятельности: в случае внезапного подъема по тревоге или выезда в командировку.

Прилетели в Легницу. Меня уже ждала машина, которая доставила прямо к министру. А тот без всякой подготовки, как говорится, с места в карьер:

– Давайте карту! Одна танковая дивизия «поляков» (так он называл Северную группу советских войск, а нас называл «немцами») получила задачу выдвинуться к Одеру, навести наплавные мосты вот на этом участке (министр при этом показал мне на карте), переправиться на западный берег и завтра к рассвету выдвинуться в район Либерецкого полигона. Захватить там выгодный рубеж и быть готовым к отражению удара противника с запада.

Ваша задача, – продолжал министр, – состоит в следующем: первое – предупредить пограничные и другие службы ГДР, что я провожу учение с форсированием реки Одер. Второе – во избежание несчастных случаев на реке и чтобы «поляки» не утонули, Группе войск в Германии выдвинуть на западный берег Одера необходимые органы эвакуационной службы и создать соответствующую систему, которая должна войти в контакт с Оперативной группой Северной группы войск и действующей дивизией «поляков». Третье – поднять по тревоге 79-ю танковую дивизию и без двух танковых и одного мотострелкового полка выдвинуть ее на

западную окраину Либерозского полигона к утру завтрашнего дня. Три недостающих полка взять из 20, 39 и 57-й мотострелковых дивизий. Командир 79-й танковой дивизии полностью отвечает за состояние дел и выполнение боевых задач этими полками. Полки должны подключиться к дивизии на марше. Четвертое – вашим решением усилить дивизию армейской артиллерией и авиацией. Наконец, пятое – завтра в 8.00 вот в этом пункте, – министр отметил пункт на карте флажком, – я буду заслушивать командира дивизии – его решение о наступлении на поспешно занятую оборону противника. По всему остальному – решить самостоятельно.

И гигантская машина закрутилась. Были задействованы десятки тысяч военнослужащих личного состава, тысячи единиц техники и крупного вооружения. Но для нас особо сложным казалось создание на марше сводной дивизии. Ведь один из полков должен маршировать по диагонали едва ли не через всю ГДР. 39-я мотострелковая дивизия стояла почти в самом юго-западном углу страны – в районе Эйзенахского полигона.

Таковыми вводными министр обороны сразу убивал не двух зайцев, как говорится в пословице, а нескольких. Но главное – он проверял всю систему управления – и войск, и руководства ГСВГ и СГВ. Сам же он имел всего несколько помощников. Правда, они успевали «заглянуть» во все прорехи и доложить министру.

К 5.00 утра следующего дня «польская» дивизия полностью перешла через Одер и устремилась на Либерозский полигон. В авангарде действовал мотострелковый полк. Наша дивизия без одного полка вышла в назначенный район и готова была занять исходное положение для наступления. Решено было полк 39-й мотострелковой дивизии направить во второй эшелон. Я уточнил передний край «противника», куда уже вышли его разведывательные дозоры, а все остальное приказал разведать самостоятельно, в том числе и силами авиации.

К 8 утра министр обороны, как и обещал, уже был на командно-наблюдательном пункте командира 79-й танковой дивизии. К этому времени подошел и отставший последний полк. Командир дивизии доложил обстановку, сообщив также, что здесь, на командно-наблюдательном пункте, находятся и командиры частей дивизии. Министр приказал вызвать их и побеседовал с ними. При этом убедился, что дивизия действительно была сборной. И вдруг поставил задачу:

– Полк второго эшелона поставить в первый эшелон, заменив полк первой линии, что стоит в центре, а фланговые полки поменять местами. При этом все делать скрытно от «противника», используя лесной массив. Вот в этой группировке в 12.30 быть готовыми нанести удар по противостоящему противнику и, стремительно развивая наступление на восток, выйти на реку Одер вот на этом участке (показал по карте). Быть в готовности форсировать реку.

Командир дивизии вытер лоб, но сказал:

– Задача понятна. Разрешите действовать? Время идет.

Министр обороны согласился, что мешкать не следует, надо немедленно приступить к выполнению задачи. Приказал своей группе проверить, как дивизия проведет рокировку.

– А мы пока пойдем посмотрим на «поляков». В 12.00 вернемся на этот пункт, – добавил министр.

Все сопровождающие министра обороны, в том числе и я, сели на машины и отправились к «противнику». Подъехав к центральной вышке полигона, заметили присутствие различных начальников.

Здесь же был и командующий Северной группой войск генерал-полковник М.Т. Танкаев. Он доложил министру обстановку с дивизией. Оказалось, что авангардный мотострелковый полк уже занял назначенный дивизии рубеж, танковые же полки на подходе. Танкаев предложил министру подняться на вышку, откуда все можно будет увидеть. Однако Гречко на вышку не пошел, а, прищутив глаза, долго рассматривал на ровном, как блюдо, поле подразделения пришедшей из Польши дивизии. Они выглядели очень жидко. Но впереди был сплошной песок (немцы вообще все непригодные для сельского хозяйства земли отдавали военным).

Видно, поразмыслив, Гречко решительно пошел вперед. Естественно, мы за ним. Подавляющее большинство были в сапогах, так что по песку можно было вышагивать без особого труда. Но министр обороны и Главнокомандующий ВВС были в брюках навыпуск и в туфлях. Конечно, обувь под давлением их огромных фигур проваливалась в песок до носков включительно. И можно было себе представить, что у каждого из них творилось в туфлях. К тому раздражению Андрея Антоновича от грустной картины, которую представили передовые подразделения дивизии из Северной группы войск, добавился еще и дискомфорт, связанный с преодолением песчаного поля. Минуты через три-четыре над нашей группой появился боевой самолет – он летел приблизительно на высоте 500–600 метров.

Министр обороны остановился и посмотрел, как самолет «выписывает» круги.

– Что это? – спросил Гречко у Кутахова, Главкома ВВС.

– Разведчик, товарищ министр обороны, – самодовольно ответил Павел Степанович.

– Какой же дурак летает на такой высоте? Его же из рогатки собьют, а не только из обычного пулемета. Убрать! Кутахов скомандовал командующему 16-й Воздушной армией Катричу: «Убрать!» Катрич – своему полковнику: «Убрать!»

Прошло еще минут пятнадцать, мы уже подходили к передовой цепи обороняющихся, как вдруг опять этот самолет и опять на той же высоте начал барражировать над нашей головой.

– Кутахов, вы, в конце концов, уберете это позорище, что кружит над нами? Или вы решили продемонстрировать, что у нас бестолковая авиация? Уберите немедленно самолет!

Кутахов рыкнул на Катрича, и тот лично помчался на вышку. А самолет, будто чувствуя, что у нас происходит на земле, отвернул в сторону и исчез. Все облегченно вздохнули. Министр подошел к цепи и остановился, разглядывая солдат. И вдруг опять появляется самолет-разведчик на той же высоте и описывает те же круги. Видно, Катрич еще не добежал до вышки.

Гречко взорвался:

– Маршал авиации Кутахов! Вы, в конце концов, способны скомандовать всего лишь одному самолету или вы уже и этого не можете сделать? Вы что, умышленно испытываете мои нервы? Вы чего стоите? Марш на вышку и уберите это пугало!

Павел Степанович Кутахов рванул, как мотоцикл. За ним даже образовалось пылевое облако. Самолет улетел. Министр стал беседовать с солдатами. Кстати, увидев приближение начальников, лопатки заработали энергичнее. Поскольку здесь был песчаный грунт, то большого труда для устройства ячеек не требовалось.

– Здравствуй, солдат, – сказал министр.

– Здравия желаю, товарищ генерал, – поднялся солдат в своей ячейке на ноги.

– Я маршал. Солдату надо знать знаки различия. – Здравия желаю, товарищ маршал...

– Советского Союза, – помог кто-то из нашей группы. Солдат повторил:

– Здравия желаю, товарищ Маршал всего Советского Союза.

– Вот именно: всего Советского Союза, – подхватил Гречко. – Ну, какую же ты имеешь задачу?

Солдат оказался сообразительным и разговорчивым:

– Задача как задача: отразить, если кто сунется. И товарищу помочь справа и слева. Будем держаться, как в Брестской крепости.

– Так там была крепость, а вы все в поле, да окопы никудышные. Цепь солдатская жиденькая-жиденькая. – С этими словами Андрей Антонович с укоризной глянул на генерал-полковника Танкаева. – Сегодня горячий завтрак был? – продолжал допытываться Гречко. – Так точно. – Что было на завтрак?

Солдат посмотрел в небо, поправил пилотку и отрапортовал:

– Макароны с тушенкой, белый хлеб с маслом и сладкий чай. Все нормально.

Вроде успокоенный, министр перешел к следующему солдату. Они располагались в окопах в 30–40 метрах друг от друга и не слышали, о чем шла речь у соседа. Министр обороны,

будучи очень внимательным и чутким человеком и обладая богатейшим опытом и интуицией, видно, почувствовал неладное. И, подойдя к очередному солдату, сразу в лоб спросил: – Что было на завтрак? – Как что? Как всегда – перловка!

Министр посмотрел вокруг, отыскивая глазами Танкаева.

– А масло?

– Так масло же в кашу положили, – невозмутимо отвечал солдат.

Андрей Антонович, не договорив с этим солдатом до конца, перешел к другому:

– Горячий завтрак сегодня был? Солдат мрачно посмотрел на маршала и выдал: – Был. – И чем же вас кормили?

– Картошкой с мясом. И чай был, конечно, сладкий.

Министр быстро зашагал к вышке. Я с тяжелым чувством досады за все услышанное следовал за ним, и мое настроение с каждым шагом Андрея Антоновича, туфли которого проваливались в зыбкий песок, все более ухудшалось. Если человеку под семьдесят, то вышагивать километры вообще не просто, а если еще и по песку – тем более.

У вышки Гречко в крайне резкой форме приказал немедленно подвезти сюда завтрак, а старшины рот со своими помощниками должны по-пластунски доставить все положенное своим солдатам в термосах, в обильных количествах. Время на все это отвел – один час.

– Если через час не будет выполнено – сниму каждого, кто в этом повинен, а на злостных – передам дело в прокуратуру, – пригрозил министр, а потом заметил: – Вы посмотрите, какие солдаты! Как они выгораживают своих беспечных начальников! Ведь их фантазия в отношении того, что они завтракали, не является ложью. Это попытка отвести удар от командиров и политработников, которым доверили этих солдат. Я понимаю, что командиры дивизий и полков стремились уложиться в отведенное время и выполнить поставленную задачу. Но делать это за счет солдатского живота нельзя.

Далее события развивались более-менее прилично. Солдат накормили так, как требовал министр (по времени, по количеству и по методам, то есть по-боевому). Тут подошли главные силы дивизии «поляков», развернулись, в соответствии с решением, и приступили к инженерному оборудованию обороны. Наступающая дивизия провела перегруппировку, заново организовала наступление и готова была в 13 часов перейти в атаку. Учитывая, что и обороняющиеся к этому времени были готовы, министр обороны план действий утвердил.

Когда войска перешли к боевым действиям, на душе потеплело. Лавина танков, боевых машин пехоты, бронетранспортеров – все, стреляя (холостыми, конечно), бросилось вперед под прикрытием боевых вертолетов и ударов авиации по ближайшей глубине. Но оборона оцепинилась. Это уже не была одна «ниточка» пехоты на переднем крае. Во-первых, и передний край преобразился – здесь уже была сплошная траншея с ходами сообщения в глубину. Сразу за первой и особенно за второй траншеей находились закопанные танки и противотанковая артиллерия, которая открыла огонь по наступающим. В такой схватке тяжело определить, кто сильнее. Скорее, не было ни победителей, ни побежденных. Но наступающие, пронизав первый эшелон обороняющихся, естественно, продвигались отнюдь не триумфальным маршем. Дивизия «поляков» проводит контратаку. Наступающие своим вторым эшелоном наносят удар по флангу контратакующих и развивают наступление дальше.

У министра обороны от всей этой насыщенной динамики, грохота, лязга металла и нескончаемой стрельбы взгляд стал мягче, лицо подобрело. Это уже рефлекс настоящего военного.

Поздно вечером он дал отбой и здесь же, собрав командный состав двух дивизий, сделал короткий, но капитальный разбор. Уместно вспомнить, что важнейшей чертой маршала А.А. Гречко было то, что он всегда при проведении учений осуществлял личный контроль и разбор проводил, как правило, по-крупному и принципиально. И если у кого-то что-то не получалось,

он «додавливал» и заставлял выполнять боевую задачу, но уже в более сложных условиях. Его учения – мощная школа полевой выучки всех категорий командиров и штабов.

Прошло уже четыре года, как я отслужил в Группе Советских войск в Германии. И вот как-то главком Евгений Филиппович Ивановский говорит мне: «Чует мое сердце, что мы можем расстаться». А работали мы с ним душа в душу. Вообще, у нас сложился прекрасный коллектив и расставаться было бы ни к чему. Я поинтересовался, какие признаки заставляют его об этом думать. Он четко и определенно сказал: «Суэта московских кадровиков!»

Да, это признак существенный. Жизнь уже не один раз подтверждала это. Но в центральные кадровые органы ни Ивановский, ни тем более я не звонили и решили, что время покажет, а пока надо работать. А через два дня Евгений Филиппович вызывает меня, дает документ и говорит: «Читай. Такого же содержания я дал шифрограмму на имя министра обороны».

Передо мной была аттестация, которая говорила, что я достоин быть выдвинутым на должность командующего войсками округа первого разряда. Естественно, что вся аттестация была выдержана исключительно в превосходных тонах. Я поблагодарил главкома, но продолжал смотреть на него вопросительно.

В ответ услышал: «Завтра надо быть в ЦК. Так что лучше вылететь в Москву сегодня вечером. Самолет готов».

Нам обоим стало грустно.

В Москве меня встретили, привезли в гостиницу и предупредили, чтобы в 10.00 я был у заведующего административным отделом ЦК КПСС Савинкина. В 9.30 я прибыл вначале к нашему куратору в административном отделе Ивану Перфирьевичу Потапову, а уже он меня сориентировал. Оказывается, Министерство обороны представило меня на должность командующего войсками Прикарпатского военного округа. Немного рассказал об этом округе, потом предупредил, что все документы готовы и что, возможно, уже сегодня меня представят Генеральному секретарю ЦК.

В 10 часов Потапов привел меня к Савинкину. Тот в течение часа вытягивал из меня все, что касалось Группы Советских войск в Германии. Я отнес это к тому, что, видимо, сам Савинкин готовился и «сверял часы» (сверял с теми данными, которые уже у него были) и тем самым тренировал меня – а вдруг Генеральный задаст вопрос?! Николай Иванович Савинкин – старый аппаратчик, так сказать, «тертый калач». В конце концов он меня отпустил, но предупредил, чтобы в 16 часов был у него – пойдём к Леониду Ильичу.

В течение нескольких часов я обошел заместителей министра обороны, в том числе побывав у начальника Генерального штаба Куликова Виктора Георгиевича и первого заместителя министра Соколова Сергея Леонидовича, которых я считал причастными к моему предстоящему назначению. И тот и другой посмеивались, и каждый говорил, что это решение министра обороны.

В 16 часов я прибыл в ЦК, доложил и в ожидании команды сидел в вестибюле. Вдруг появляется генерал-полковник Алексей Николаевич Катрич, командующий 16-й воздушной армией нашей Группы войск.

Катрич действительно был личностью в авиации. Я питаю к нему исключительное уважение за его честность, потрясающую оперативность, высокий организаторский талант и безукоризненную летную подготовку. И не только я и другие его товарищи, но и вся армия преклонялась перед ним. Увидев Алексея Николаевича, я ахнул: – Какими судьбами?

– Да такими же, что и вы. Назначают на новую должность, хотя я и отказывался дважды.

– Если не секрет, на какую вас должность представили?

– Какой уж тут секрет, первым заместителем министра Гражданской авиации. Не хочется мне расставаться с Вооруженными Силами. Да и министр Бугаев тоже не мед. Вы знаете.

Действительно, все мы хорошо знали всю эту историю с назначением Бориса Павловича Бугаева на пост министра. Не имея за плечами ничего, этот летчик, командир транспортного

самолета (в войну и после войны), волею судьбы попадает в правительственный отряд и становится командиром корабля, который закреплен за Леонидом Ильичом Брежневым. За то, что самолет всегда летал исправно, Борис Павлович получает Героя Социалистического Труда, а с назначением в 1966 году сразу на пост заместителя министра Гражданской авиации – и высокое воинское звание маршал авиации. Через год он становится первым заместителем министра, а еще через три года – министром Гражданской авиации. Коль стал министром, то и в последующем Брежнев присваивает ему Главного маршала авиации. Мало того, он становится протеже Д.Ф. Устинова, который уже после Брежнева проявляет о нем заботу, и Бугаев получает вторую Золотую Звезду Героя Социалистического Труда.

– Конечно, расставаться с Вооруженными Силами жалко, – согласился я, – но и в Гражданской авиации, где полувоенная структура и соответствующий порядок, нужны настоящие военные. Во имя Отечества.

Все это я говорил лишь для того, чтобы как-то смягчить ситуацию. Мы ходили, и Алексей Николаевич все вздыхал. Наконец вышел Николай Иванович Савинкин, и мы втроем отправились к Генеральному секретарю ЦК. По пути к Брежневу нам встретился какой-то солидный мужчина и спросил Савинкина:

– Генерал-полковников к нему ведешь? (Я тоже уже получил звание генерал-полковника.) – Да, к нему. Он свободен? – Я от него. В приемной никого не было.

Дежурный по приемной с нашим появлением сразу сказал Савинкину: можно заходить. Кабинет оказался небольшой, но уютный. Леонид Ильич подошел, тепло поздоровался и, приветливо улыбаясь, пригласил к большому столу. Он сел против нас и стал непринужденно вести беседу. Савинкин при этом стоял рядом и не садился – видно, был такой порядок. Меня Генеральный секретарь расспрашивал в основном о Группе войск. Потом внезапно спросил, а помню ли я, как я его (Брежнева) уморил во время доклада в посольстве. Конечно, я удивился, что он об этом не забыл. А случилось это в 1971 году осенью. Леонид Ильич, приехав в ГДР, решил встретиться с аппаратом посольства и руководством Группы войск (мы взяли всех основных начальников штаба и управлений Группы плюс Военные советы армии). В зале было всего человек триста. Посол П.А. Абросимов и главком В.Г. Куликов пошли вниз встречать Брежнева у входа, а мне было приказано доложить ему о сборе дипломатов и военных на встречу. Поскольку я впервые в жизни докладывал Генеральному секретарю ЦК КПСС – Верховному главнокомандующему Советского Союза, и, понимая, что лучше переборщить, чем недобрать, я рапортовал ему в присутствии всей вставшей аудитории, подробно перечисляя все его титулы, поэтому и несколько длинновато. А он стоял и повторял одно и то же: «Ох и долго. Ну, заморил. Ну, уморил», сопровождая это покачиванием головы. Но я не сдавался и, пока все не выполнил и не сделал шаг в сторону с поворотом (освободив, наконец, ему проход к трибуне), стоял перед ним как монумент, четко выговаривая каждую фразу.

Леонид Ильич подал мне руку, крепко пожал и, улыбаясь, сказал: «Наконец-то я вырвался из плена». Но раз посол и главком улыбались тоже, я понял, что все нормально. В той встрече Брежнев был на высоте. Без всяких шпаргалок он говорил непрерывно более двух с половиной часов, оперируя огромной массой цифр, широко представляя внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза. Это был мощный руководитель Великого государства.

И вот сейчас судьба свела меня с ним так близко. Он не забыл, казалось бы, пустяковый, но, несомненно, памятный для меня лично эпизод.

Затем Леонид Ильич переключился на Прикарпатский военный округ. Перечислив некоторые особенности Западной Украины, рассмеялся и сказал:

– Но главная особенность – так это то, что я был членом Военного совета – начальником Политуправления округа.

В разговоре с Алексеем Николаевичем Катричем он очень много говорил о Гражданском воздушном флоте, его роли и месте в экономике страны и в обороне, о новшествах и перспек-

тивах, о негласном соперничестве с гражданской авиацией крупных капиталистических стран. Нашу беседу завершил вопросом:

– Надеюсь, у вас обоих нет возражения в отношении назначения?

Мы поблагодарили его за доверие, а он уже обратился к Савин-кину:

– Ну, Николай Иванович, давай документы, – и старательно поставил свою подпись.

С этого мига мы с Алексеем Николаевичем уже были в другом качестве.

Был интересный момент: Леонид Ильич, подписывая постановление, обмолвился:

– Я только недавно заметил, что моя подпись состоит из отдельно выписанных букв. Вот так-то.

Леонид Ильич пожелал нам успехов на новом поприще, и мы расстались. Попрощались и с Николаем Ивановичем Савинкиным. Я отправился в Министерство обороны, а Катрич – по своему плану.

А.А. Гречко был еще на месте. Я попросил генерала Сидорова (помощника министра) доложить обо мне и через минуту был в кабинете. Андрей Антонович ни одного вопроса не задал по Группе войск, говорил только о Прикарпатском военном округе, его важном месте в оперативно-стратегических планах Вооруженных Сил.

А в заключение сказал:

– Не задерживайся в Группе. Чтобы через пару дней был уже во Львове. На базе округа проводится важное учение.

Пожелав мне успехов, министр сказал, чтобы я позвонил, как только прибуду в округ.

В тот же вечер я улетел в Группу войск. Тем временем Евгений Филиппович Ивановский собрал в доме приемов товарищеский ужин. Были только члены Военного совета с женами. Хорошая, домашняя, теплая обстановка. И как всегда при расставании – с грустинкой.

Через двое суток я докладывал министру обороны СССР о том, что дела и должность командующего войсками Прикарпатского военного округа принял, а генерал-полковник Г.И. Обатуров – о том, что сдал их. В моей жизни и службе открылась новая страница.

Часть V

Прикарпатский военный округ

Глава 1

Округ – моя душа и мое сердце

Знакомство. – Определение принципов. – Международное учение – это тоже крещение. – А.А. Гречко задает тон работе. – Первое крупное учение. – Социально-бытовые условия – залог всего. – Гречко – Щербицкий – Машеров – Кулаков – Брежнев – Добрик. – Мой визит с окружным новаторством в Генштаб. – Венгерская поездка в составе делегации министра обороны. – Взгляды на подбор кадров. – Крупные учения «Севера» с «Югом»

Получив благословение на командование Прикарпатским военным округом, я перебирал в памяти: а что об этом округе знаю, кто им командовал, какими границами он обозначен, роль и место во всей иерархии Вооруженных Сил и т. д. Эти думы подтолкнули меня к различным разговорам, справочным материалам. Мне импонировало, что в числе лиц, которые командовали Прикарпатским военным округом (ПрикВО), были выдающиеся военачальники. О некоторых я обязан сказать.

Сразу после войны в течение более 12 лет округом руководил Герой Советского Союза и герой Сталинградской битвы Андрей Иванович Еременко. Высшее воинское звание Маршала Советского Союза он получил в этом округе. Вообще во всех отношениях это личность незаурядная – в годы Великой Отечественной войны успешно командовал восемью фронтами и тремя отдельными армиями. А в округе оставил значительный след в организации послевоенного становления строительства, развитии и подготовке войск.

На этом посту Еременко сменил тоже известный полководец – Герой Советского Союза генерал армии Кузьма Никитович Галицкий. Он был одним из основоположников проведения крупных войсковых учений.

Затем «к штурвалу» округа пришел знаменитый Иван Степанович Конев – дважды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза. Во время Великой Отечественной войны командовал многими фронтами, участвовал в таких исторических операциях, как разгром гитлеровских фашистов под Москвой, Курская битва, Корсунь-Шевченковская операция и Висло-Одерская, Берлинская, Пражская операции. Герой Чехословакии и Герой Монголии.

Его сменил дважды Герой Советского Союза генерал армии Павел Иванович Батов. За ним шел Герой Советского Союза генерал армии Андрей Лаврентьевич Гетман. А последнего сменил Герой Советского Союза генерал армии Петр Николаевич Лашенко. Все они, конечно, оставили ощутимый след в истории округа. Петр Николаевич много построил на территории округа. Бесспорно, его главной заслугой является сооружение здания для штаба округа. Мне довелось встречаться с ним в Военной академии Генерального штаба, где он был во время моего выпуска председателем государственной комиссии (нас познакомил генерал-полковник И. Людников, с которым он был в близких отношениях).

Но я лично не знал и ничего не слышал о генералах Бесярине и Обатурове, которые командовали округом непосредственно передо мной.

Один руководил округом совсем немного – был, к сожалению, сломлен тяжелой болезнью. А второй перешел на педагогическую работу. Но и тот и другой, конечно, трудились много и эффективно и остались в нашей памяти как деятельные личности, стремящиеся поддерживать округ на должной высоте.

Все это, конечно, психологически на меня воздействовало сильно. Волнение усилилось и после напоминания Леонида Ильича Брежнева о том, что он был членом Военного совета – начальником Политуправления округа. Одновременно это и приподняло мое настроение. Однако все это в то же время обязывало меня работать самоотверженно, чтобы не только не отступить с завоеванных рубежей, но приумножить прежние достижения округа.

К этому обязывало и оперативно-стратегическое положение Прикарпатского военного округа. Вместе с группами наших войск в странах Восточной Европы он входил в первый стратегический эшелон Вооруженных Сил Советского Союза и имел задачу – в случае агрессии противника участвовать в отражении удара, а в последующем, в составе главных сил, перейти в наступление и во взаимодействии с другими фронтами разгромить противника на территории Европы. Задача весьма ответственная и вполне реальная, в особенности если учесть уроки и опыт Второй мировой войны. Но для этого следовало немало потрудиться, труд же должен быть весьма и весьма эффективным.

Были ли объективные возможности для такого труда? Забегая вперед, я обязан сказать: да, безусловно, были. И достаточно подготовленные кадры имелись, и оснащение округа было хорошим, и инфраструктура его неплохо развита, да и размещался округ относительно компактно, и климат на западе Украины был благоприятным, а природа здесь просто благодатная.

И все же хотя Прикарпатский военный округ и был весьма видным (его частенько упоминали в докладах и речах), однако не был ярким, выдающимся. Руководство Министерства обороны и военная общественность в этом смысле больше тяготели к Группе Советских войск в Германии, Московскому, Киевскому и Дальневосточному военным округам. А наш ПрикВО был где-то в середине военных округов, групп войск и флотов.

Но, имея в потенциале перечисленные факторы, ходить в середнячках совсем негоже, думал я. Надо включать форсаж. По своему предыдущему опыту знал: чтобы получить нужный разгон, необходимо сделать конкретные шаги, в которых в округе должны были быть заинтересованы абсолютно все. Разумеется, в этом должны быть заинтересованы и органы власти всех областей, на территории которых расположен ПрикВО.

Оперативные границы нашего военного округа охватывали 10 областей (перечисляю с севера на юг и с запада на восток): Волынская, Ровенская, Львовская, Ивано-Франковская, Закарпатская, Черновицкая, Тернопольская, Хмельницкая, Житомирская и Винницкая. Естественно, вопрос повышения уровня подготовки, а следовательно, и боевой готовности войск округа ни мной, ни Военным советом округа не рассматривался абстрактно в отрыве от событий в стране и тем более вокруг Советского Союза. Поэтому мною двигало не только желание, чтобы округ занял престижное (точнее, уважаемое) положение среди других военных округов. Такое чувство, скрывать не буду, сопровождало меня всю жизнь. Всегда хотелось, чтобы полк, дивизия, корпус, армия, округ стали первыми. Но главным и определяющим, конечно, было стремление повышать боевую готовность вверенных мне войск для того, чтобы достойно ответить на все происки врага. Ведь мир все время балансировал на грани вселенского пожара, «холодная война» была в разгаре.

Еще не закончилась эпопея во Вьетнаме, как началась арабо-израильская война 1967 года. Толком не разобрались с этими событиями – возник чехословацкий кризис 1968 года. Не закончилась трескотня в прессе по этому вопросу, как опять начали накаляться отношения в Юго-Восточной Азии и на Ближнем Востоке, в 1972 году загадочничал президент Египта. Все эти события США используют для своего укрепления в НАТО и в Европе. И, как бы в подтверждение моих мыслей о необходимости принятия дополнительных мер по повышению боевой готовности войск округа, осенью этого же 1973 года все-таки разразился кризис на Ближнем Востоке (Египет и Сирия – с одной стороны и Израиль – с другой). Положение осложняли наши распри с Китаем, которые были совсем ни к чему.

Хотя, конечно, в это же время были и Хельсинки, и Вена, и поездки летом 1973 года Брежнева в США, где он с президентом Ричардом Никсоном подписал целый ряд принципиальных документов, в том числе соглашение о предотвращении ядерной войны. Все это было. Но «холодная война» продолжалась, напряжение нарастало, устремления США всем были понятны без разъяснений. Ясно было и то, что единственным сдерживающим фактором, стабилизирующей силой в мире может быть только Советский Союз со своей экономической и особенно военной мощью.

С такими мыслями я прибыл к новому месту службы и приступил к своим обязанностям. После представления Управлению округа (штабу, службам и т. д.) я подробно познакомился с Военным советом – со всеми вместе и персонально с каждым, с начальниками служб и управлений округа. Лейтмотивом моих бесед было выяснение, что требуется для того, чтобы подтолкнуть весь личный состав к более решительным действиям в боевой учебе. Принципиальный вывод сводился к трем позициям: первое – осовременить материальную базу для жизни и учебы; второе – всем включиться в пропаганду жизни по Уставу (для всех); третье – решительно поддерживать и поощрять всех старательных солдат и офицеров.

Поскольку уже через неделю после своего прибытия я обязан был проводить международные учения и времени на дальнейшую подготовку и изучение войск практически не было, я ограничился тем, что облетел все три армии, где встретился с Военными советами и с командирами дивизий и бригад этих армий. Коли уж вступил в командование, управление нужно взять в свои руки. Пообещав в ближайшее время появиться во всех соединениях, я предложил всем командирам подготовить свои предложения по совершенствованию нашей жизни и учебы в рамках возможного.

Учение, которое я должен был проводить (а оно было спланировано еще в начале года Генеральным штабом), действительно было международным, однако звучание было громким, а участие – скромным. В нем участвовали войска Советского Союза, Болгарии и Венгрии. Вооруженные силы двух последних стран были представлены управлением мотострелковой дивизии, в подчинении которой был один развернутый мотострелковый полк, усиленный дивизионом артиллерии. Однако это небольшое войско от министерств обороны Болгарии и Венгрии сопровождала оперативная группа – около двадцати человек, в том числе половина генералов. Старший из них – заместитель министра обороны.

Было понятно, что учение носит в первую очередь военно-политический характер. Нам было необходимо продемонстрировать единство, способность умело и уверенно действовать вместе при выполнении общей боевой задачи. Руководителем учения был определен командующий войсками Прикарпатского военного округа.

Когда я окупнулся в подготовку учения, то обнаружил, что, кроме плана проведения этого учения, то есть непосредственного участия этих дивизий и их полков в выполнении определенных задач, на Львовском учебном центре ничего нет. Не было даже плана политического обеспечения этого мероприятия, не говоря уже о материально-техническом и финансовом обеспечении. Ни Генеральный штаб, ни Главное политическое управление, ни штаб тыла Вооруженных Сил, ни Центральное финансовое управление Министерства обороны, то есть все, к кому я как молодой командующий войсками обратился за помощью, чтобы мне разъяснили, кто же обязан материально обеспечивать прибывающие войска (это уже тысячи человек и тысячи единиц боевой техники), – ничего толком мне не сказали. Даже начальник тыла генерал армии С.К. Куркоткин и тот лишь заметил:

– Все в рамках тех лимитов, которые отпущены округу. – Так это же округу отпущено, а не Варшавскому договору?!

– Больше ничего утешительного сказать не могу.

Видно было, что центр не позаботился, а на месте посчитали, что войск не так уж много, все обойдется. Поэтому пришлось все этапы пройти от начала и до конца. В самом тяжелом

положении оказались болгары. Им надо было пересечь всю Румынию по железной дороге, затем, выгрузившись у нас (а мы должны были их встретить и принять), совершить марш по нашим полевым маршрутам (а не по шоссе-ным дорогам, так как много танков), пройти все Закарпатье и выйти на Львовский полигон. Этими же маршрутами на день раньше должны были пройти венгры. Следовательно, маршруты – инженерная обработка проезжей части (а это 700 километров – два маршрута по 350), эвакуационная служба, комендантские участки и регулирование, пункты заправки, техобслуживания и медицинского обеспечения, продовольственные пункты, связь (в том числе громкоговорящая), подвижные пункты наблюдения на вертолетах, наконец, пункты встречи местного населения с солдатами братских армий – все это на нашей совести и ответственности.

Наиболее остро стоял вопрос о размещении старшей категории офицеров (полковников и генералов), поскольку учебный центр располагал только солдатской казармой и столовой.

Заниматься самообслуживанием и говорить о том, что мы оказались в этом смысле несостоятельными, смысла не было. Говори не говори – положение не изменится! Чтобы как-то смягчить этот дискомфорт, я сам со своими помощниками выехал в учебный центр и жил там в автобусе. В каждую опергруппу болгарской и венгерской армий выдал по 10 штук таких же командирских автобусов, создал полевой блок бытового обслуживания, приспособил казарму и столовую для жизни офицеров.

Что касается войск, то для них были подготовлены по всем правилам два хороших лагерных городка со всеми элементами для жизни и быта в поле.

Перед учением мы провели совместный митинг. От каждой армии выступили солдат и офицер. Двое суток отвели для подготовки личного состава, техники и вооружения. А сами учения продолжались пять суток. Прошли они ровно. Сложных ситуаций не возникло. Никаких происшествий не произошло. На заключительном этапе опять прошел митинг, но уже с участием представителей общественных организаций Львова и Львовской области. Всем все понравилось. Все остались довольны. Каждый воин получил на память простенький сувенир.

Теперь задача состояла в том, чтобы войска Болгарии и Венгрии были отправлены теми же маршрутами и тем же методом обратно. Это тоже была целая эпопея. Однако все обошлось. К счастью, нам благоприятствовала погода. Пожалуй, это единственное, во что нам не надо было вмешиваться.

Как только отбыл последний болгарский эшелон, я доложил шифровкой в Генеральный штаб, что учения прошли, цели достигнуты, происшествий не произошло, а более подробный отчет будет представлен почтой.

Буквально на следующий день утром звонит аппарат «ВЧ». Поднимаю трубку. Голос дежурного телефониста: «Генерал Варенников? Сейчас будете говорить с министром обороны».

Как всегда в таких случаях, молниеносно перебираю вопросы, которые могут возникнуть.

– Здравствуйте, – тихо проговорил маршал Гречко. Мы уже знали, что чем тише он говорит, тем тяжелее жди от него удара.

– Здравия желаю, товарищ министр обороны, – поздоровался я и до предела напрягся, чтобы «не потерять» ни одного слова.

– Мне тут доложили, что у вас в округе какое-то учение проходило... И вроде болгары и венгры участвовали.

Я кратко доложил.

– О таких делах надо докладывать министру обороны. Понятно? – Понятно, товарищ министр обороны.

В трубке пошли гудки отбоя. «Неважные у тебя, Валентин Иванович, дела. Надо прибавить оборотов», – подумал я. Но в то же время не считал, что само учение прошло слабо. Все было нормально. Вот с докладом действительно прокол.

Позвонил начальнику штаба округа генерал-лейтенанту Е. Малашенко, чтобы зашел. А тут опять звонит аппарат «ВЧ». Снимаю трубку, представляюсь. Мне в ответ: – Здравствуйте, товарищ Варенников. Это Якубовский.

– Здравия желаю, товарищ Маршал Советского Союза.

– Вот вас только что назначили на округ, а вы вроде уже и зазнались – совместное учение с болгарами и венграми провели?

– Провели!

– Так хоть бы словом обмолвились: так, мол, и так – по плану Генштаба и Главкомата объединенных Вооруженных Сил и так далее. Ничего подобного – ни мне, ни Сергею Матвеевичу Штеменко. Он же начальник штаба армий стран Варшавского договора.

– Товарищ маршал, я, конечно, виноват – ограничился только телеграммой на наш Генштаб. Позвольте я доложу.

– Да чего уж теперь докладывать. Мне министр обороны маршал Гречко все «разъяснил». Да и телеграммы я получил из Будапешта и Софии. Так что теперь все ясно. А вот на будущее попрошу не забывать. До свидания. – До свидания, товарищ маршал.

Малашенко весь наш разговор слышал и понял, что к чему.

– Товарищ командующий, им всем надо обязательно все докладывать и устно, и письменно, – посоветовал он мне. – Буквально все – от дивизионного учения и выше. Они любят это. Чувствуют войска. Сейчас вот подготовим письменный доклад-отчет и пошлем не только министру, но и всем заместителям, главкомам.

Генерал-лейтенант Е. Малашенко – опытный начальник штаба. Пережил уже нескольких командующих. Весьма активный и энергичный офицер. Конечно, давно заслуживал выдвижения. Но почему-то продолжает сидеть на своем месте. Однако это совершенно не сказывалось на его настроении и деятельности – он продолжал умело выполнять свои функции и хорошо помогал мне врать в обстановку.

Вдвоем с ним мы уточнили план последующих наших действий. Пригласили членов Военного совета, еще раз оговорили все вопросы, и я отправился в войска из расчета: на армию – одна неделя, на отдельную дивизию – один день. Мое изучение, а не общее знакомство в итоге имело цель – определить, что и в какие сроки мы должны сделать, чтобы учебная база была отличной, а военные городки сделать современными и уютными. А также определить, что должны сделать для офицеров и их семей, чтобы они жили хорошо и, следовательно, офицеры могли бы полностью отдаваться службе. При этом, конечно, на первое место ставились вопросы строительства жилых домов, гостиниц, Домов офицеров и комбинатов бытового обслуживания, в том числе столовых. Создание максимально благоприятных материально-бытовых условий для всего личного состава и офицерских семей, опора на офицеров округа, частое общение с солдатами, сержантами и офицерами (прапорщиками) и оперативное разрешение возникших проблем – всегда должны быть в центре внимания Военных советов округа и армий. А уже на этой базе можно строить боевую учебу и повышать боевую готовность частей и соединений.

Знакомство с руководством всех десяти областей и руководством Украины у меня прошло удачно. По существовавшему в то время положению, в состав Военного совета военного округа входил первый секретарь того обкома КПСС, где располагалось Управление военного округа. У нас в ПрикВО в состав Военного совета округа входил первый секретарь Львовского обкома Василий Степанович Куцевол, а в Киевском военном округе – первый секретарь Политбюро ЦК Компартии Украины Владимир Васильевич Щербицкий.

В Киеве знакомство мое прошло сразу после Пленума ЦК КПУ, куда я был приглашен вместе с членом Военного совета округа. Первый секретарь Львовского обкома Куцевол в перерыве между заседаниями представил меня В.В. Щербицкому, и мы договорились, что я задержусь на сутки, и тогда уже в спокойной обстановке можно будет побеседовать. На этой встрече я рассказал им о своей службе и о планах – с учетом того, что уже я увидел. А Владимир

Васильевич в присутствии председателя Совмина Украины Александра Ивановича Ляшко рассказал о состоянии экономики и культуры республики и перспективах развития ее. Обратил мое внимание на ту заботу, которую руководство Украины проявляет в отношении трех военных округов (Киевского, Прикарпатского и Одесского), Черноморского флота и пограничного округа. В заключение Владимир Васильевич сказал:

– Мы готовы поддержать, в том числе и материально, все прогрессивные инициативы Прикарпатского военного округа. Можете рассчитывать на нашу помощь.

Я искренне поблагодарил его. Был, разумеется, очень рад такому заявлению на столь высоком уровне. Сказал, что при необходимости воспользуюсь этой любезностью, но злоупотреблять не буду. Однако я не сдержал своего слова. Я не только злоупотреблял благосклонностью правительства Украины и руководства всех десяти областей, где располагались части ПрикВО, но и забирался со своими просьбами в другие области Украины, которые находились за оперативными границами нашего округа. Наш военный округ для областей, где располагались воинские части, оставил многое. Взять хотя бы Львов. В начале улицы Стрийской воздвигли памятник воинам Великой Отечественной войны. Здесь же рядом построили прекрасный музей на эту же тему с Аллеей Славы. На этой же улице был фактически заново создан классический военный городок и переустроено военное политическое училище. А в конце Стрийской и налево вырос новый микрорайон с широченной улицей-проспектом, на котором были устроены фонтаны и скверы. Формально улица носила и носит свое название, а благодарные львовяне называли ее именем автора этой книги.

Во Львове и подо Львовом было построено много и других уникальных сооружений. Например, рядом со штабом округа появилась 12-этажная гостиница «Россия» с прекрасным рестораном-столовой. При входе сооружен огромный цветомузыкальный фонтан. А напротив – огромный спортивный комплекс с прекрасным футбольным полем, беговыми дорожками по периметру и спортивными площадками для прыжков и метания (то есть все для легкой атлетики). А еще здесь были: крытые бассейн и конкур, огромное здание для размещения спортсменов при проведении всесоюзных или международных соревнований – гостиница с буфетами, барами и саунами. И конечно, наша гордость – спортивное стрельбище, которое включало оборудованное ультрасовременное поле и громадное классическое здание в несколько этажей. На этом стрельбище с выполнением всех международных норм проводились соревнования – от стрельбы из пневматического оружия до спортивной – охотничьей стрельбы по тарелочкам и даже из боевой винтовки (карабина) на дистанцию в 300 метров. Вы можете себе представить стрельбище в центре современного города, где можно стрелять на 300 метров из боевого оружия? У нас в СССР такого больше нигде не было.

С этим объектом связан один интересный эпизод. Центральный вход в мощное высокое и длинное здание стрельбища был выполнен из толстого зеркального стекла в три цвета (около 9—10 метров высоты) с мраморным черным полом и колоннами. Далее шел огромный и тоже мраморный вестибюль, а от него расходились просторные, с очень высокими и светлыми потолками триумфальные лестницы во внутренние помещения. В центре был устроен тихий фонтан, вдоль стен стояли оригинальные напольные вазы с цветами, кое-где кресла и журнальные столики. В тот день должны были проходить международные соревнования. Уже съезжались их участники. Для ознакомления вошла в вестибюль английская команда. Вошла и замерла, рассматривая все вокруг. Затем старший подошел к нашему сотруднику (а он отлично владел иностранными языками – немецким и английским) и шепотом спрашивает: – А где здесь стрельбище? – Вы находитесь на стрельбище, – спокойно и ровно отвечает наш сотрудник, – я сейчас приглашу инструктора, и он вам все покажет, в том числе и место для размещения вашей команды.

И подобные эпизоды у нас бывали нередко.

Я мог бы долго перечислять все существенное, что было создано в округе в те годы. Но главным и принципиальным для меня были уникальные военные городки с жилым офицерским фондом. Почти во всех 16 дивизиях и 5 бригадах произошли капитальные изменения. Лишь Волынский и еще два-три гарнизона были затронуты частично. Даже в Стороженце Черновицкой области был фактически заново построен рядом с танковой директрисой и стрельбищем военный городок.

Что же касается Львова и его подступов, то, кроме сказанного, нелишне отметить еще кое-что. По дороге из Киева во Львов при въезде в последний на возвышенности рядом с магистралью была установлена огромная динамичная скульптурная группа – «летающие» галопом конники. Памятник поставлен в честь Конной армии Буденного, когда она громила белополяков. Она и сейчас обращена в сторону Запада. Это – детище области, но с участием нашего округа.

А на окраине города Нестерова – в 10 километрах севернее Львова – был построен мемориал в честь русского летчика капитана Петра Николаевича Нестерова – пионера высшего пилотажа российской авиации. Кроме самого памятника в виде «мертвой петли» с летящим самолетом, широкой и длинной парадной взлетной полосы с цветами, подходящей к этому памятнику, прямо у дороги построили небольшой музей, где было собрано все возможное, что напоминало о Нестерове. На открытие мемориала собралось несколько десятков тысяч жителей городов Львова и Нестерова. Мы пригласили дочь Нестерова (уже старушку). Она приехала со своим внуком, то есть правнуком Петра Николаевича. Состоялись митинг, торжественное прохождение войск и небольшой воздушный парад. В заключение было устроено массовое народное гулянье.

Памятник был установлен именно там, где трагически закончился последний полет П.Н. Нестерова.

Вскоре после увековечивания нашего славного соотечественника родилась волнующая традиция: каждый, кто проезжал мимо мемориала, непременно останавливался и в течение нескольких минут отдавал Нестерovu дань памяти и уважения. Так естественно и ненавязчиво у людей развивалось и укреплялось чувство патриотизма и гордости за наших славных соотечественников.

Но все это – памятники, военные городки, жилые массивы, учебные центры и т. д. – появлялось через год, два, три и т. д. А в 1973 году после международного учения, где я получил свое первое крещение на новом посту, нас ожидало осенью уже новое испытание.

Дело в том, что по плану боевой и оперативной подготовки под руководством командующего войсками округа должны быть проведены: в сентябре – учения с боевой стрельбой с 26-й артиллерийской дивизией округа (командир дивизии – генерал-майор Владимир Михайлович Михалкин, ныне маршал артиллерии, – командовал Ракетными войсками и артиллерией Сухопутных войск Вооруженных Сил), а в октябре – войсковые тактические учения со знаменитой 24-й Железной мотострелковой дивизией (командир – полковник Константин Алексеевич Кочетов, ныне генерал армии, последняя его должность – первый заместитель министра обороны СССР, а до этого он успешно командовал Южной Группой войск, Закавказским и Московским военными округами. Дивизия еще со времен Гражданской войны называлась Железной).

Учитывая сложившуюся обстановку, я принимаю решение провести учения одновременно с двумя дивизиями и, естественно, с боевой стрельбой. По моему замыслу, в плане учения предусматривалось, что 24-я дивизия, действуя на направлении главного удара армии, получает для усиления артиллерийскую дивизию (хотя реально на войне такого и не бывало) для гарантированного прорыва обороны противника.

Посоветовавшись с заместителями командующего войсками, со штабом и начальником Ракетных войск и артиллерии округа, я понял, что в их лице не только нашел поддержку –

они высоко оценили мой замысел, что мне было весьма дорого. Окрыленный этой идеей и помня замечание министра обороны о том, что я обязан докладывать ему лично о всех крупных учениях, я решил позвонить маршалу А.А. Гречко.

С министром обороны меня соединили сразу. Вначале я доложил общую обстановку по округу, затем – о предстоящих учениях с мотострелковой и артиллерийской дивизиями, а также как я мыслил это проводить. А в конце добавил:

– Предполагаем, что учения должны быть интересными. Приглашаем вас, товарищ министр обороны.

– В принципе я согласен и на учения приеду. Тем более что в Прикарпатском округе уже давно не был. Но рамки учений немного расширим. Я сейчас дам задание Генштабу и через полтора-два часа перезвоню.

Все это, конечно, меня озадачило. Само появление министра обороны уже таило в себе множество проблем и неожиданностей. Конечно, я обязан был пригласить его, было бы просто неприлично, если бы я этого не сделал. Однако член Военного совета, начальник Политуправления округа генерал-лейтенант Фомичев ворчал:

– Надо было воздержаться от приглашения. Во-первых, мы с этими дивизиями не проведем учения так, как требуется. А во-вторых, с ним понаедет полно начальников и, конечно, каждому надо уделить внимание, вместо того чтобы заниматься войсками.

– Вопрос уже решен. Конечно, всем нам лично надо будет прибавить обороты. Но вы-то особенно не переживайте – Алексей Алексеевич Епишев своим социал-либеральным характером Политуправлению округа не создаст никаких проблем, так что будьте спокойны.

– Но он не даст мне заниматься войсками!

– Верно. Поручите все заместителю – генералу Шевкуну, пусть набирается опыта. А вы лелейте своего начальника.

Меня, конечно, предстоящая суeta вокруг начальства особо не трогала. А вот фраза министра обороны: «Рамки учений расширим» – в себе таила многое. И мы уже с новым начальником штаба округа генералом В. Аболенсом (Е. Малащенко уехал на выдвижение в центральный аппарат) стали делать различные прикидки. Но оказалось, что это был напрасный труд – Андрей Антонович, верный себе, выдал нам такую вводную, что у всех глаза полезли на лоб. Правда, лично я, имея уже опыт по Группе войск, особо не удивился.

Как и обещал, Гречко позвонил через пару часов. – В целом план проведения учений утверждаю, – сказал он. – Но это будут не односторонние, а двусторонние учения, и не дивизионные, а армейские, и не только на Львовском, но и на Ровенском и Игнатпольском полигонах. Действуют «Восточная» и «Западная» сторона. На «Восточной» стороне – 8-я гвардейская танковая армия, что стоит в Житомире и вокруг. Она должна быть в таком составе: 23-я танковая дивизия – полностью, остальные дивизии и бригады армии – только своими управлениями и обозначенными войсками по вашему решению. Исходное положение – восточный район Игнатпольского полигона. Передний край противника проходит с севера на юг посередине полигона. Задача армии – прорвать промежуточный рубеж обороны и, развив наступление на запад, овладеть Ровно, а далее ударом на юго-запад развить наступление на Львов. «Западная» сторона должна быть представлена 13-й армией в составе 24-й Железной мотострелковой дивизии по полному штату, а остальные дивизии и бригады армии – как и в 8-й гвардейской танковой армии, то есть только управлениями и обозначенными войсками. Противник перед 13-й армией занимает подготовленную оборону, и ей предстоит ее прорывать. Вот вы можете и отработать это на Львовском полигоне, как спланировали, – с боевой стрельбой. Здесь, на полигоне, сосредоточьте всех участников учений этой стороны. Передний край противника пройдет тоже где-то посередине полигона с севера на юг. Задача армии – прорвать оборону, захватить район Ровно и далее развивать наступление на Житомир.

На Ровенском полигоне в первой половине дня в понедельник необходимо разыграть встречное сражение. Грубый расчет такой: в пятницу – прорыв, суббота и воскресенье – преследование отходящего противника (в эти дни движение транспорта менее активное), к исходу воскресенья разведка сторон нащупает друг друга и произойдет столкновение охранений. И основные действия в понедельник. Руководитель учений – командующий войсками округа. Я прилетаю в воскресенье. Все неясные вопросы в Генеральный штаб. Шифровку получите. До свидания!

Мы все, кто был в это время у меня в кабинете, – первый заместитель командующего войсками, начальник штаба округа и член Военного совета – немного помолчали (в трубке аппарата «ВЧ» звуки были четкие и ясные, поэтому присутствовавшие слушали указания министра – я трубку держал, не прижимая ее к уху). Каждый, видимо, постигал суть сказанного. Я делал записи разговора с маршалом Гречко, а потом попросил начальника штаба вызвать начальника оперативного управления и остальных членов Военного совета.

Министр обороны никогда не давал таких подробных разъяснений. Обычно они сводились к трем – пяти лаконичным, но емким фразам. Столь необычную разговорчивость министра я объяснил двумя причинами: во-первых, тем, что в округе молодой командующий, и, во-вторых, тем, что к этому учению было проявлено несколько повышенное внимание.

Когда собрались все приглашенные, я еще раз зачитал указания министра обороны, раскрыв различные положения подробнее своими комментариями. Здесь же дал задания по созданию плана подготовки и обеспечения предстоящих учений, определил участки и участковых посредников, отдал все предварительные распоряжения, в том числе командующим армиями – участникам учений.

Когда совещание закончилось, все разошлись, а я собирался идти в оперативное управление разрабатывать оперативно-тактическую часть плана учений, вдруг опять звонок аппарата «ВЧ». Снимаю трубку и слышу вопрос:

– А где я буду в Ровно ночевать?

Сразу не понял, кто спрашивает. Но когда невидимый собеседник добавил, что приедет с ним еще человек девять-десять, то я сообразил, что это министр обороны.

– Я хотел вам предложить обкомовскую гостиницу. Это в двадцати минутах езды до полигона, – нашелся я.

– Во-первых, чужое предлагать некорректно; во-вторых, я еду не в Ровенский обком, а в Прикарпатский военный округ; в-третьих, я же еду не на блины, а на учения – почему я должен нежиться на обкомовских подушках? Я и все, кто со мной прилетит, будем жить в поле – на полигоне в палатках. Ясно?

– Так точно, товарищ министр обороны, – размещение на полигоне в палатках.

Министр положил трубку, а я задумался: погода на улице была скверная, да и прогноз не предвещал ничего утешительного – конец осени. В этом году похолодание началось рано, но главное – шли частые дожди со снегом. Конечно, эта «вводная» Андрея Антоновича поставила перед нами еще одну проблему. Ведь надо было разместить не просто министра, а министра обороны – члена Политбюро ЦК КПСС и его соратников. Даже если бы он не был членом Политбюро, то и в этом случае его нельзя рассматривать как просто министра. Это министр министров. Под его началом пять видов Вооруженных Сил и огромный тыл плюс Главные управления типа бронетанкового, автотракторного, ракетно-артиллерийского, инженерного, противохимической защиты, космического, ядерных боеприпасов – все это своеобразные министерства. И он собирается жить в палатке?!

Вообще надо сказать, что А.А. Гречко был большим оригиналом. Забегая вперед, расскажу об одном эпизоде, который произошел с ним в Финляндии. Об этом мне поведал начальник Главного штаба финской армии (в Финляндии вместо Генштаба – Главный штаб), когда я был там с ответным официальным визитом уже в 1981 году во главе нашей военной делегации.

Произошло это так. В начале 1970-х годов Андрей Антонович был, тоже с дружеским официальным визитом, у финнов. В Хельсинки его вместе с сопровождающей группой разместили в центральной гостинице неподалеку от президентского дворца. Утром в воскресенье обнаружилось, что министра обороны СССР в гостинице нет. Поднялся переполох – это же настоящий скандал – министр обороны пропал в дружественной стране. Все службы были подняты на ноги, но министра не обнаружили! И лишь через три часа его заметили на экзотическом рынке, что на площади между дворцом президента и Финским заливом. Сюда еще до восхода солнца приходят яхты и другие небольшие суденышки из разных стран, а также съезжаются торговцы на автомобилях, и тоже не только из Финляндии. Разбиваются яркие шатры, расставляется оригинальная складная мебель для развешивания и раскладки по полочкам разного товара. Там можно увидеть все – от собольих и норковых шуб, драгоценных современных украшений и антикварных изделий до ружей, сабель, топоров и якорных цепей; от попугаев и обезьян Южной Америки до упитанных бычков, гусей и уток из Австралии; от свежего мяса всех видов, колбас, масла, сыров, свежепосоленной и живой семги до французских вин, армянского коньяка, ангольской папайи и кокосовых орехов; от снеговых и водных лыж до классических «мерседесов», «линкольнов» и даже летающих крыльев. Рынок-чудо, рынок-музей, причем с образцовым порядком. Когда он к вечеру разъезжается – остается чистая, без единой соринки, торжественная площадь.

Так вот, видно, Андрей Антонович прослышал про это чудо и решил сам, тайком от охраны, в спортивном костюме в 7 часов утра (а подъем назначил на 8) выскользнуть из гостиницы. А дорожка – две минуты спокойной ходьбы. И ему удалось незаметно смешаться со всеми на рынке. Лишь специальная полиция, имея на руках фотографию Гречко, без труда, но уже в десятом часу обнаружила его на этом рынке. Министр, как жираф, неторопливо вышагивал между рядами, на голову возвышаясь над всеми, поэтому его видно было издали, и он сразу бросался в глаза. Просто никому и в голову не могло прийти, что он окажется именно здесь. Через несколько минут после обнаружения адъютант и служба безопасности уже были возле него и уговорили идти в гостиницу. А он, довольный тем, что обвел всех, и довольный «экскурсией» без сопровождающих лиц, опять вступил в границы протокола визита.

Так что его желанию жить во время учений в палатке удивляться не приходилось. Меня беспокоило другое – на полигоне надо было не только создать нормальные человеческие условия и, в первую очередь, чтобы было тепло, но главное, чтобы служба охраны могла выполнять свои функции. Все-таки Западная Украина, лес, вдали от населенных пунктов. Это не Арбат и тем более не Кремль.

Но вот начались учения. Мы отработали все, что требовалось на Львовском и Игнатпольском полигонах, и войска с обоих «полюсов» устремились на Ровно, решая по пути отдельные тактические задачи, которые предусмотрены планом и которые в установленное время «подкидывают» посредники (до реальной встречи) сторон.

Точно в назначенный час я встретил министра обороны на аэродроме. На встречу прибыли и руководители Ровенской области. Несмотря на плохую погоду, настроение у всех было приподнятое. Надо заметить, что маршал Гречко у партийных и советских органов страны пользовался не просто авторитетом, а глубоким уважением, так же как и маршал Жуков. Вместе с министром прилетели, как всегда, начальник Главпура А.А. Епишев, Главнокомандующий ВВС П.С. Кутахов и несколько других офицеров, в основном операторов. Кстати, за сутки до начала учений к нам в 8-ю Гвардейскую танковую и в 13-ю армии, а также в их дивизии прибыли офицеры Генштаба и Главного управления боевой подготовки, которые все вопросы, начиная с подъема войск и штабов по тревоге, взяли на контроль. Разумеется, к ним я приставил своих офицеров с той целью, чтобы взгляды и тем более оценки тех или иных действий были одинаковы.

Но самое интересное, что с министром прилетел и первый заместитель начальника Главного оперативного управления Генштаба генерал-полковник Иван Георгиевич Николаев, что бывало крайне редко.

Так состоялось первое наше с ним знакомство. Отличительной чертой Ивана Георгиевича были не только его уникальная память и способность в короткие сроки подготовить любой документ высокой сложности, но самое главное то, что он «нюхом чуял» развитие любых событий. Это то самое предвидение, которым должен обладать любой офицер, а работник Генштаба – тем более. Пока министр беседовал с руководством области, мы с ним перебросились несколькими фразами, вследствие чего договорились поехать в штаб руководства учением, а там неподалеку и «резиденция» министра в палатке.

– Ну, так что? – обратился министр обороны ко мне. – День уже заканчивается, а мы все гуляем.

– Предлагаю проехать в штаб руководства.

Министр обороны поблагодарил местное руководство за приглашение остановиться в Ровно и сказал при этом, косясь в мою сторону: «У нас здесь есть турбаза». Затем пригласил их всех, а также сказал, что пригласит из Луцка (Волинская область) и из Житомира «на сражение, которое, очевидно, завтра начнется часов в 8–9 утра».

Начальник штаба руководства генерал Аболенс нас уже ожидал. В очень большой палатке, составленной из брезента с ярко-белым подбоем изнутри, были развешаны карты, популярно составленные схемы и диорамы. Я в течение часа доложил план проведения учения. Министр задал мне и начальнику штаба много уточняющих вопросов. Затем он захотел переговорить с командармами, а также с командирами развернутых, действующих на учениях дивизий (общение шло по радио, войска были в движении). Не все шло гладко, но разговор в целом получился.

Все, кроме Николаева, отправились в «резиденцию», а Иван Георгиевич получил у министра разрешение остаться с двумя своими офицерами для уточнения некоторых вопросов. Палатки стояли в спелом, но мрачном из-за промозглой погоды лесу. От палатки к палатке были брошены деревянные мостки, так как вокруг набралось много воды. Уже стемнело, и входы везде были освещены.

– Всем устроиться и через десять минут – на ужин. Где столовая? – спросил министр.

– В центре, товарищ министр обороны.

В столовой – большой палатке – собрались за общим столом. Было уютно, тепло, светло, а на столе аппетитная еда. Перед трапезой Андрей Антонович сказал, что успел «пробежать» газеты и даже проверить работу телевизора. В центре внимания прессы – подготовка к Всемирному конгрессу миролюбивых сил, который должен состояться в конце октября в Москве. Приступив к еде, продолжали обсуждать предстоящие учения.

– Павел Степанович, – начал министр, – а ведь с погодой – это твоя работа!

– Товарищ министр обороны, позвольте вылететь в Москву – я наведу порядок, – немедленно отреагировал маршал авиации Кутахов.

– Нет, Андрей Антонович, – вмешался Епишев. – Вы уж его не отпускайте до конца. Натворил – пусть сам и терпит.

– Верно, – поддержал Гречко, – пусть вместе с нами терпит. Надо только у него в палатке снять все обогреватели.

– Я согласен, товарищ министр. Но вместо них пусть дадут печку с дровами.

– Может, еще истопницу к печке? – добавил Алексей Алексеевич.

– А что? Мысль у Главпура всегда была революционной, – в тон ему сказал Павел Степанович.

– Вот видите, видите! Эти асы только в песнях распевают: «Первым делом самолеты...», а на самом деле постоянно думают о таране.

Пошутили, посмеялись и опять перешли к разговору об учениях. Гречко уточнил, где будут командные пункты командармов к 5 утра завтра и сколько езды от «резиденции» до КП одного и другого. Я сказал, что полчаса. Подъехал генерал Николаев, доложил, что все вопросы решил, и по приглашению Андрея Антоновича сел к столу ужинать.

В итоге договорились, что выезжаем в 5 утра: в 13-ю армию – министр обороны и другие, а в 8-ю танковую – генерал Николаев с группой операторов. Пошли по палаткам. Алексей Алексеевич безадресно ворчал: «Не дадут поспать...» А министр обороны, прощаясь, сказал: – Примите все меры, чтобы, во-первых, солдаты могли обсушиться, обогреться. Усиьте им питание. Во-вторых, на маршрутах, где прошли войска, чтобы не осталась техника. Надо все убрать.

Конечно, мы бы и без этих указаний могли и намеревались все это сделать. А в этих условиях – тем более.

В штабе руководства все бурлило, как в Смольном. Я переговорил с командармами и командирами дивизий. Передал указания министра и растолковал, как все это надо сделать. Предупредил, что скоро буду у них. Приказал участковому посреднику района Ровенского полигона, в границы которого уже вступили передовые подразделения действующих войск, тоже подключиться. Я поехал лично убедиться, как все выглядит в действительности. Даже Г.К. Жуков на войне лазил часами на животе по передовой (о чем он сам пишет в «Воспоминаниях и размышлениях»), а нам тем более надо это практиковать. Командир любого масштаба всегда обязан находить время, чтобы не в кабинете делать выводы, а лично прикоснувшись непосредственно к жизни: без сопровождающих, самолично, повидать солдат и офицеров, побеседовать с ними открыто, по-человечески, душевно. При этом надо не туда идти, куда тебе предлагают или ведут, а туда, куда подсказывает твое сердце, опыт и интуиция.

Намотавшись за ночь по войскам, я, конечно, имел полное и ясное представление о состоянии дел: от планирования и дачи распоряжений и приказов до выхода подразделений и частей на определенные рубежи и знания их командирами главного – где, в каком составе и что намерен делать «противник». Конечно, положение руководителя учения, как и его штаба, в условиях присутствия министра обороны двойственное: с одной стороны, надо дать свободу действий (тем более во встречном сражении) обеим сторонам; но с другой – хотелось, чтобы войска, штабы и командиры проявили себя положительно и предстали перед министром обороны достойно. Все-таки министр не так часто бывает в войсках. Их много, а он один. Да и забот у него хватает помимо такого типа учений. Это нам просто повезло, что он выкроил время и приехал посмотреть, на что способны прикарпатцы.

Прикорнув часа на полтора, чтобы голова работала на должных оборотах, побрился, привел себя в порядок и без пяти минут пять я уже был перед министром. А он уже в первой своей палатке (у него были две спаренные палатки) сидит с Епишевым и Кутаховым и пьет чай с сухариками. Идиллия. Пять утра! Все улыбаются. Ну, думаю, это уже в нашу пользу.

– Валентин Иванович, – начал Епишев, – ведь каждый офицер должен быть прозорливым и видеть в указаниях старшего начальника и шутку, и серьез. Ведь Андрей Антонович пошутил насчет пяти часов утра. А вы, пожалуйста, – закурили.

– Да еще и погода такая...

– Это верно, погода плохая. Но мы здесь устроились не хуже, чем в московской квартире. И все-таки надо ехать, – сказал министр.

Через 30 минут, как и рассчитывали, мы были на командном пункте командующего 13-й армией. Генерал-лейтенант Алексей Николаевич Зайцев толково доложил обстановку и свое решение на встречное сражение.

– Так чего вы стоите? Чего ждете? Хотите, чтобы противник внезапным ударом раздал? – напирал Гречко на командарма.

Но тот не сдавался:

– Нет, не хочу, чтобы нас раздавили, но и действовать опрометчиво не стану – попаду в пасть противнику.

– В какую пасть? – не унимался министр. – Вы же сами сказали, что обложили противника своей разведкой.

– Верно. Но мне основными силами его сейчас не достать. Надо хотя бы выманить в подлесок.

– Пока вы будете стоять, он вас авиацией накроет несколько раз, – включился маршал авиации Кутахов.

– Какая авиация? Нижний край облачности 100–150 метров. Летчики в домино забивают и пьют... крепкий сладкий чай, чтобы поддерживать тонус и боеготовность.

– Но вы же не будете вечно стоять друг против друга? – спросил министр.

– Как только станет светать – начну активные действия, – сказал генерал и далее подробно доложил о своем замысле.

Министр обороны связался по телефону с командующим танковой армией и приблизительно задал ему те же вопросы – его ответы были аналогичны.

А в разговоре, тоже по телефону, с генерал-полковником Николаевым, который к этому времени уже был на КПП танкистов, Андрей Антонович выяснил, что они намерены ждать рассвета, а пока ведут интенсивную разведку.

Проехав некоторые подразделения и повидавшись с солдатами и офицерами, к 8 часам утра министр обороны был на главной вышке Ровенского учебного центра, которая стояла в центре полигона и с которой на 360 градусов открывалась перспектива в несколько километров. Центральная стержневая часть вышки была закрыта и застеклена, так что все хорошо просматривалось, и было тепло. Здесь можно было укрыться от непогоды. А «крылья» вышки на верхнем этаже были открыты и представляли собой хорошие смотровые площадки, где, кстати, было множество различных оптических приборов для наблюдения.

Когда мы приехали сюда, приглашенные гости были уже у вышки и приветствовали Гречко. Он пригласил всех наверх. На большом столе посредине комнаты была развернута карта, и Андрей Антонович свободно, будто сам был автором этой карты, рассказал об обстановке и о том, чего мы ожидаем. Выпив по чашке чая, мы вышли на смотровую площадку.

Внизу ветер чувствовался, но наверху он был еще более мощный и порывистый. Время от времени обрушивался дождь со снегом, так что надо было внимательно следить, чтобы кого-нибудь не унесло. Началась стрельба дальнобойной артиллерии. Затем подключились другие огневые средства. От опушки леса «Западных» (13-я армия) отделилась боевая линия танкового батальона и, ведя огонь на ходу, двинулась в атаку. Вслед за ней во второй линии на боевых машинах пехоты, прикрываясь танками, в атаку устремились мотострелки. Как мы поняли из доклада, «Западные» решили провести разведку боем, вызвать огонь на себя и тем самым вскрыть систему огня «Восточных» и одновременно захватить выходной рубеж, сбив с него охранение противника.

Танки «Восточных», занявшие огневые позиции по опушке своего леса, открыли интенсивную стрельбу, расстреливая с места атакующие танки и пехоту «Западных». Но последним все-таки удалось захватить желанный рубеж. Используя складки местности, старые окопы, кусты и т. д., они стали закрепляться, создавая для главных сил нужную опору.

«Восточные» понимали, что этого допустить нельзя. Развернув на фланге свой авангардный танковый полк, они решили сбить противника и выйти на его главные силы. Но «Западные», с учетом доклада разведки о перемещении в стане «Восточных», предвидели это. Поэтому тоже держали в предбоевом порядке свой танковый полк, понимая, что от первых столкновений будет зависеть, кто захватит инициативу в свои руки.

Как только танкисты «Восточных» развернулись и ринулись на батальон танков и роту пехоты, которые закреплялись на захваченном рубеже, стремясь «сместить» эту их еще слабую

оборону и выйти на главные силы «Западных», последние ударами своего танкового полка обрушились на фланг атакующих танкистов «Восточных».

Понимая, что авангардный танковый полк попадает в тяжелую ситуацию, «Восточные» отказываются от разгрома авангарда на захваченном рубеже и, развернувшись в сторону атакующего танкового полка «Западных» всем фронтом, решают отразить эту атаку.

Обстановка накалилась. Она накалилась и в поле, и в действующих штабах, и у нас на вышке. Здесь представители Ровенской области, естественно, расхваливали действия 13-й армии, то есть «Западных», а представители Житомирской – делали то же самое в отношении 8-й танковой армии, то есть «Восточных». Андрей Антонович Гречко посмеивался, периодически «подливая масла в огонь».

Начался ввод главных сил дивизий. Обе стороны решили нанести удар из-за своего правого фланга уже втянувшихся в бой частей. Получалось, что каждый хотел выйти во фланг и тыл друг другу. Огромная десятитысячная масса войск с одной стороны и такая же – с другой развернулись и, ведя огонь («холостыми») из всех видов оружия, двигались вперед. И хотя у нас почти никакой имитации не было, все грохотало. Обстановку жесткого сражения дополняли пронизывающий холодный ветер и неутрачивающий дождь со снегом. Лица у всех были пунцовые, носы – синие и мокрые, а глаза – выпученные.

Один гражданский взмолился: – Андрей Антонович, покурить бы...

– Сейчас, сейчас, друзья. Начинается самое главное.

И он начал пояснять, что происходит. Дивизии в целом развернулись нормально, и удар их мог быть эффективным. Но до столкновения главных сил и тем более пронизывающего друг друга удара мы не довели, чтобы не было перемешивания войск. Однако было другое – Гречко решил проверить войска на управляемость и приказал: вне оперативной обстановки отвести все части в исходное положение и доложить готовность к действиям, но на это дал не более 1,5 часа.

Столь жестким ограничением срока готовности проверялась управляемость. Но у нас по предмету управляемости были проведены многочисленные тренировки. Поэтому я особо не переживал, хотя дал твердые команды всем, от кого хоть в небольшой мере зависело решение этой задачи.

Наконец после трехчасового непрерывного пребывания на смотровой площадке Андрей Антонович любезно пригласил всех в застекленную теплую комнату, где по периметру большого стола стояли чашки с горячим дымящимся ароматным чаем и различные бутерброды. Гречко пожелал всем приятного аппетита и, сбросив мокрую плащ-накидку, сняв фуражку и расстегнувшись, удобно сел к столу.

Все последовали его примеру. И, с удовольствием взявшись за чай, проклинали погоду. Кто-то сказал:

– До чего сложно в такую погоду... Может, лучше было бы подождать, когда пройдет ненастье?

– А как же на войне? Там ждать нельзя. Поэтому и в мирное время войска приучаются к действиям, максимально приближенным к боевым. А вся жизнь военного – это жизнь на семи ветрах.

Наступила тишина. Я подумал, что Гречко выдерживал всех на открытой смотровой площадке, чтобы каждый прочувствовал, что испытывает в этот момент солдат, лейтенант, полковник да и генерал. Одно дело – смотреть на все это через стеклянные стены теплой комнаты, в который мы сейчас пили чай, а другое – быть вместе со всеми под одним небом. На мой взгляд, метод Гречко, то есть приглашение местных властей на учение, очень верный. Власти лучше будут представлять нашу военную жизнь, полную лишений и трудностей. С учетом, конечно, что настоящий войсковой офицер и его семья – это вечные странники. Хотя их интел-

лект несколько не ниже, а чаще – выше тех, кто всю жизнь провел в центральном аппарате и считает себя личностью особого полета, особого круга.

Пока пили чай, разгорелся живой разговор на эту тему. А войска тем временем выходили в исходное положение. Я предупредил, что их ожидает и что это будет подобие тактико-строевых занятий с повторением отдельных элементов, но в крупных масштабах: в составе полка или сразу двух полков, а может, и дивизии. Всем категориям командиров – от батальона до дивизии – запастись большим количеством осветительных и цветных ракет для обозначения своего положения. Наконец, провести хорошие радиотренировки.

Через полтора часа все в основном было готово. Ветер значительно поубавил свою силу, а дождь вообще прекратился.

Я предложил министру: прежде чем действовать войскам, надо той и другой стороне обозначить свое положение ракетами. А затем можно давать команды. Так и решили.

Действовали полками. Какие только команды Гречко не выдавал – выполнялось все. Правда, я вынужден был иногда вмешиваться, чтобы правильно поняли, что именно требуется выполнить, в каком направлении действовать, что является основным ориентиром и т. д.

Наивысший класс виртуозности в действиях показал 279-й мотострелковый полк 24-й Железной мотострелковой дивизии. В то время полком командовал подполковник Игорь Николаевич Родионов, который в итоге своей службы стал, как известно, генералом армии и министром обороны Российской Федерации. И хотя все войска действовали нормально и выполняли именно то, что от них требовалось, этот полк действовал особенно четко и быстро. Присутствовавшие на вышке высказывались о нем одобрительно. Один министр обороны молчал. Но видно было, что он доволен.

Однако не обошлось и без некоторых эпизодов, которые заставили понервничать. Например, в ходе движения одного из полков танк попал в яму. Произошло это в 250–300 метрах от вышки, и все, естественно, стали свидетелями этой картины. Перед боевой линией танков простиралось залитое водой поле. Танки шли уверенно. Вдруг один «клюнул» и резко остановился. Лобовая часть его опустилась в воду. Танкисты пушку развернули наоборот, и танк сделал попытку вырваться из этой западни, рванув назад. Но грунт сзади стал проседать, а танк плотно сидел в воде. Но вот двигатель взревел, и машина медленно пошла вперед. Уровень воды поднимался, однако танк двигался. Напряжение нарастало: если вода зальет трансмиссию – значит, все. Танк двигался еле-еле. Уровень воды стал понижаться. Наконец танк из ямы выполз и остановился. Машину спасли.

Министр обороны сказал мне, чтобы механика-водителя доставили на вышку. Я передал эту команду и послал адъютанта к танку. Сверху мы видели, как на танке открылись люки на башне и у механика-водителя. Потом механик вылез на броню и, как мы поняли, получил распоряжение командира танка, который показал рукой в нашу сторону. Механик прыгнул в воду и быстро пошел к вышке. Его перехватил адъютант, и они, уже вместе, побежали к нам, поднялись на смотровую площадку. Нас много, все незнакомые. Механик-водитель спрашивает у адъютанта:

– Который из них будет министр обороны?

Андрей Антонович, конечно, услышал, хотя вопрос был задан вполголоса. – Это я буду! – в тон солдату сказал министр. Механик-водитель решительно двинулся к маршалу:

– Товарищ Маршал Советского Союза! Ефрейтор Пирогов по вашему приказу прибыл. – Ты откуда будешь?

– Как откуда? Из Вологодской области! Откуда же мне еще быть? – удивленно сказал Пирогов и посмотрел на всех вокруг. Тон был такой, что в голове ефрейтора наверняка крутилась мысль: «Непросвещенные. Ведь в Советском Союзе и есть-то одна Вологодская область». – А как тебя величают? – Алексеем Ильичом.

– Как же тебя угораздило в яму?

– Так ведь кругом море-океан. Ничего не видно, кроме воды. А что там под водой-то? Вот и вел машину по командам командира танка. И он не виноват. На его место хоть ротного посади или комбата, да даже Суворова – все равно бы завалился.

– А как же ты все-таки вырвался из плена?

– Надо было рисковать. Не пропадать же бесславно в этом болоте. Вот и говорю командиру: назад нельзя – засасывает. Давай рванем вперед. Он говорит: «Давай!» Вот я и пошел на первой передаче. Вначале вроде погрузились. Потом положение стабилизировалось – вода за бортом остановилась на уровне моих глаз. А затем я почувствовал, что цепляюсь за твердое, и пошло, пошло, пошло. Вот я и перед вами. А вообще-то повезло.

Министр обороны там же наградил его наручными часами за мужество. Все начали жать солдату руку. Пока он стоял да рассказывал, вокруг него образовалась большая лужа. Епишев не выдержал:

– Ты это чего, ефрейтор, – и показывает глазами на лужу, – того, что ли?

– Да это вода. У них, у этих ровенских, кругом одна вода да болота. Им бы крокодилов разводить, – разозлился солдат.

Его успокоили, еще раз поздравили и отправили восвояси, а на ровенских начальников навалились: «Почему крокодилов не разводите?» Они отшучивались: «Надо попробовать. С кукурузой в начале 1960-х не получилось – может, с крокодилами повезет?»

С наступлением темноты мы распрощались с гостями, а войска продолжали действовать. Оперативная пауза, во время которой министр обороны проверил командиров, штабы и войска на управляемость, закончилась. Все опять были введены в оперативную обстановку. На всех уровнях были приняты решения о преследовании отходящего противника, поставлены соответствующие задачи. Ночью министр обороны заслушал в своей палатке командармов и поставил штабу руководства задачу – как только обе дивизии втянутся в полевые маршруты (одна – на Житомир, а вторая – на Львов), можно объявить отбой и сосредоточить дивизии на восточной и западной окраинах Ровенского полигона.

На следующий день во время завтрака маршал Гречко объявил, что он сейчас вместе с Епишевым и Кутаховым посетит Ровенский обком партии. Командующий войсками, разумеется, будет с ним. Остальные могут отправляться в пункт постоянной дислокации. Потом сообщил порядок дальнейших действий:

– В 16.00 Военный совет округа во Львове. Начальники управлений округа, а также Военные советы армий, в том числе 38-й, которая не действовала, а также воздушной армии должны быть на разборе. Там же получите и другие необходимые указания. На основе этого командующему войсками на следующей неделе сделать подробный разбор со всем руководящим составом округа, включая командиров частей. Это должна быть ваша программная позиция разрешения проблем, которые стоят перед округом.

С учетом полученной задачи я отдал необходимые распоряжения, и все тронулись в путь.

В Ровно Гречко пробыл недолго – это был визит вежливости, как это бывало всегда во время пребывания на территории той или иной области и тем более республики. Он обычно посещал обкомы партии, там же присутствовали руководители исполнительных органов Советов народных депутатов. Чаще всего это было сразу после прилета: все областные начальники встречали его на аэродроме и все вместе ехали к «хозяевам». Беседа продолжалась около часа: «хозяева» – о своем, министр обороны – о государстве, о решаемых в Политбюро вопросах, о Вооруженных Силах, внешней политике. И, разъезжаясь, каждый занимался своим делом. Часто на какие-нибудь мероприятия в войсках Андрей Антонович приглашал первого секретаря обкома и председателя облисполкома.

Глядя на министра обороны, так же действовали и все командующие войсками военных округов (разумеется, и флотов). Кстати, когда командующий войсками прилетал в какую-то область, то первые секретари обкомов и председатели облисполкомов его тоже встречали. И

когда я попытался как-то изменить этот порядок в сторону упрощения, меня поправили: «Мы не знаем, как у других, а на Украине это уже традиция, и мы будем ее придерживаться твердо». Таким образом все вопросы были сняты.

Из Ровно во Львов ехали машинами. Прибыли сразу в штаб округа. Министр обороны пошел в свой кабинет (кабинет командующего), вызвал к себе генерал-полковника Николаева и других с документами и начал, очевидно, готовиться к разбору. В назначенное время началось совещание. Выступление министра обороны состояло из двух разделов. Первый (около часа) был посвящен международной обстановке, положению в стране, выполнению Вооруженными Силами своих задач, роли и месту нашего Прикарпатского военного округа в этих задачах. Второй раздел (около полутора часов) – анализировал проведенные учения. Затем шло 5—7-минутное заключение с пожеланиями и напутствиями.

Интересно, что Андрей Антонович пришел в зал Военного совета, имея в руках небольшой листок, вырванный из моего календаря, где были набросаны вопросы к совещанию. Он этот листок оставил у меня. На оборотной стороне было написано: «1. Переговорить с Бр. (видимо, с Брежневым) о мобилизац. готовности промышленности и гос. резерве. 2. Венгрия – Повтор. 3. Управление полетами ВВС и ГВФ. 4. Кадры по Дальн. Вост.».

Этот листок, с учетом содержания пометок, я переслал фельдъегерской почтой в Москву на имя генерал-лейтенанта Сидорова – помощника министра обороны. Кстати, у Гречко был всего один помощник в звании генерал-лейтенанта, который не был особо загружен (потому что его начальник был высоко подготовлен и в особой помощи не нуждался), а у министра обороны Устинова было два помощника, и оба генерал-полковники (точнее, один из них – адмирал), и оба все время что-то писали и вечно ходили с бумагами, со справками и докладами к Дмитрию Федоровичу. Отчего бы это?

Министр обороны вошел в зал в сопровождении начальника Главпура и Главкома ВВС. Но сел за стол Военного совета только один. Все остальные вместе с нами сидели в зале.

В первой части своего выступления А.А. Гречко, кроме освещения других вопросов, сосредоточил основное внимание на агрессивной сущности империализма вообще и американского в особенности. Он прямо отметил: «Они не хотят смягчения международной обстановки (привел примеры по Вьетнаму, Ближнему Востоку, учения в Европе и другие). Они продолжают гонку вооружений. Что для них означает сокращение производства оружия? Это безработица. Кроме того, они будут заниматься этой гонкой и разжигать „холодную войну“ до тех пор, пока не добьются своей цели – убрать со своего пути захвата мирового господства главное препятствие – Советский Союз. Вашингтон нагнетает военную истерию, а в Москве собирается Всемирный конгресс миролюбивых сил. В этих условиях мы должны, конечно, иметь исключительно высокую подготовку. Только мощные Вооруженные Силы Советского Союза смогут сдерживать агрессора от опрометчивых действий».

Далее он очень умело показал, какая роль отводится нашему округу, если агрессору все-таки удастся развязать войну: «Мы всегда были против войны и остаемся приверженцами этого принципа и сегодня. Но если агрессор нападет – мы обязаны его разгромить в прах. Наши Группы войск в Восточной Европе, как шит, принимают на свою грудь первые удары, а с подходом Прикарпатского и других западных округов – переходят в контрнаступление и уничтожают противника на его территории».

В связи с этим министр обороны подробно остановился на второй части своего выступления – на учениях. «Учения, – сказал он, – как зеркало, отразили все плюсы и минусы подготовки ваших частей. Я сосредоточусь на недостатках и особенно в подготовке вооружения и техники».

Далее он не просто раскритиковал нас за оставшиеся на маршрутах танки и боевые машины пехоты, а взвинтил это до уровня преступно-халатного отношения некоторых начальников к подготовке боевой техники и ее содержанию. У нас действительно в ходе выдвижения

у одной дивизии отстало 7, а во второй – 9 единиц гусеничной техники. Половина из них были танки, поломанные или застрявшие из-за плохой погоды. Все это, конечно, «засекли» помощники министра и выдали ему соответствующую справку.

– Вы представляете, что это такое, если даже один танк не успеет к бою? – заострял министр обороны. – А у вас три, четыре и даже пять танков отстало. Ведь это же половина танковой роты?! Это недопустимо.

И в таком духе с выволочкой, с фамилиями, с примерами он продолжал минут двадцать или тридцать. Я тоже поднимался раза три или четыре, когда речь шла об упущениях командующего войсками округа. Поднимался, а сам думал: «Ну-ка, поддай нам как следует. Все это на пользу всему округу».

Правда, надо отдать должное, что, коснувшись раздела «Управление войсками», он заметил: «У меня особых замечаний нет, но оно требует постоянного и упорного совершенствования. Уровень управления войсками в каждом полку, бригаде и дивизии надо довести до уровня 279-го мотострелкового полка Железной дивизии». Это для нас прозвучало превыше всех наград.

Если бы он только знал, сколько времени мы потратили (но не напрасно) на тренировки по управлению с 24-й Железной и 23-й танковой дивизиями. Зная, за что он, Гречко, цепляется, я лично не вылезал с Львовского и Игнатпольского полигонов, тренируя их и доводя выполнение команд до того уровня, как требовал министр. А я этой его науки «хлебнул» сполна еще в Группе Советских войск в Германии.

В целом разбор оказался мощным, интересным и, конечно, очень полезным. Он не был для нас разгромным, как казалось вначале. А что касается техники – так тот «разнос» был для профилактики. Словом, для меня это крупное учение и в роли исполнителя прошло нормально. А.А. Гречко ввел меня в округ и задал тон моей работе. Поэтому проявленная нами инициатива с приглашением министра обороны на учения оказалась верной. Напряжение по ходу учений было высокое, но в итоге наказаний мы на свою голову не накликали.

После разбора Андрей Антонович распрощался со всеми и, забрав меня, пошел в кабинет командующего войсками. Мы сели за небольшой стол, нам принесли чай.

– Расскажите, в какой степени вы познакомились с округом, какие впечатления, какие возникли проблемы, – сказал он мне.

Минут сорок я докладывал ему за каждую дивизию (в том числе авиационную), о сильных и слабых сторонах, отдельно об офицерском корпусе, инфраструктуре округа, о взаимодействии и взаимоотношениях с руководителями областей, о некоторых планах развития округа.

– В целом, – заключил я, – округ хороший, люди отличные и нормальная база. Что касается проблем, то я пока воздержусь их называть. Будем стараться разрешить все в первую очередь своими силами и с помощью Генерального штаба, главкомов видов Вооруженных Сил и начальников Главных и Центральных управлений Министерства обороны. А если все-таки проблемы появятся, то, я думаю, это будет в первую очередь касаться денежных средств и фондов для совершенствования учебно-материальной, материально-технической базы, а также для строительства жилых домов офицерам и прапорщикам.

Андрей Антонович в целом был удовлетворен. Но заметил, что я не должен забывать о поддержании контактов с соседними военными округами – Белорусским, Киевским и Одесским, а также с Группами войск – Северной в Польше, Центральной в Чехословакии и Южной в Венгрии.

– Вы отсюда кому-нибудь из этих командующих позванивали?

– Пока еще нет.

– Вот видите! Это на первый взгляд кажется, что пустяковое дело. А в действительности – важнейший вопрос. Вы – соседи! Должны привыкнуть друг к другу, помогать друг другу, а не сидеть неподступными удельными князьями. Дело будет спориться, если все вместе будем

решать любые задачи. Но в целом, я считаю, начало у вас нормальное. Надеюсь, округ будет на должном уровне.

От ужина Андрей Антонович отказался. Мы поехали на аэродром и проводили всех москвичей. Перед трапом маршал авиации Кутахов «всадил мне шпильку».

– Товарищ министр, вы знаете, о чем сейчас думает Валентин Иванович? Он думает: «Какой приятный запах у дыма улетающего самолета, на борту которого мои начальники». – Это точно, – поддакнул Епишев. – Так, что ли? – уставился на меня Гречко.

– Товарищ министр обороны, вы же знаете – Павел Степанович любит юмор, – уклончиво ответил я.

– Вот видите? Все на Павла Степановича! Нет чтобы сказать: «Товарищ министр обороны, всем миром просим – останьтесь еще на недельку!...» – подливал Епишев.

– Ну ладно. Полетели.

Прощались. Все уселись так, чтобы мы видели их в окнах. Наблюдаю, что все они смеются и помахивают нам. Наверное, Кутахов еще раз прошелся по приятному запаху дымка.

Министр обороны улетел. Мы здесь же перекинулись несколькими фразами. Решили, что все прошло в основном благополучно, а сейчас надо ехать домой и отоспаться за все дни.

В округе были проведены итоговые занятия по боевой учебе за год. Поэтому я готовил большое установочное совещание, где намерен был разобрать все стороны жизни и быта округа. Оно включало в себя раздел итогов боевой и политической подготовки, состояние техники и вооружения, тыла, строительства. Особый раздел занимали воспитательная работа и состояние воинской дисциплины. Но результаты проведенных учений и указаний министра обороны были представлены обособленно, как наиболее важные. Здесь же проходили и мои принципы работы, и перспективные установки на ближайшие годы.

Совещание имело большое значение для жизни нашего округа. На него были приглашены все, до командира отдельного батальона, а из полка и бригады – командир, первый заместитель, начальник штаба и заместитель командира по политической части; из дивизии – командир и все заместители, в том числе начальник артиллерии дивизии. Армейские руководители были представлены всеми начальниками служб и выше. За несколько дней до совещания в войска были высланы все документы, которые я намеревался разбирать, имея в виду, что в выступлениях услышу необходимые предложения.

Фактически это было занятие. До перерыва я доложил все основные вопросы. После обеда все начальники занимались со своими подопечными, а я – с командирами полков, дивизий, бригад и командармами. А в заключение собрались все вместе и подвели итог работы.

Почему я особо подчеркиваю значимость этого совещания? Оно положило начало продвижению нашего округа. Разумеется, проводились и другие совещания, занятия и т. д. Но они только дополнили это основное. Конечно, в основе наших многолетних успехов был титанический бескорыстный труд офицеров округа. Это благодаря их отличной службе и умелому руководству Прикарпатский военный округ был отмечен в итоговом приказе за 1973 год. А уже начиная с 1974 и до 1979 года включительно, он постоянно был в числе лучших военных округов Вооруженных Сил, что отмечалось в приказах министра обороны. Добиться этого было не так-то просто.

Как уже говорилось в предыдущих главах, важнейшей предпосылкой повышения уровня боевой и политической подготовки, а также в целом боевой готовности войск округа было создание хороших условий жизни, быта и боевой учебы для солдат, сержантов, прапорщиков, офицеров и их семей. Но как решить эту задачу, когда уровень ассигнования был для всех одинаков и пропорционален? И вот тогда, как уже сказано, я и пришел к выводу, что внебюджетные каналы финансирования округа могут быть не меньше, а даже больше того, что выделялось нам министром на год. Эти деньги с фондами мы получали за счет реализации военных городков частей Ракетных войск стратегического назначения крупным министерствам, имею-

щим большие деньги и нуждающимся в таких городках. Естественно, встречаясь с тем или иным министром, я рекламировал эти городки так, что министр приходил к выводу: с приобретением предлагаемого военного городка у него снимаются сразу многие проблемы.

Ракетчики, переходя на новые виды техники (на другие ракеты), видели, что переоборудование старых шахт вообще невозможно, а реконструкция существующих зданий, кроме жилых и бытовых, что составляло немалую сумму, обойдется значительно дороже, чем построить городок заново. Кроме того, ведь пока не поставлены новые ракеты, старые должны нести боевое дежурство. В итоге строились новые военные городки с новыми шахтами для новых ракет и, когда последние становились на боевое дежурство, старые аннулировались, а военные городки передавались военным округам на баланс. Для них это был настоящий хомут – городки надо было охранять и поддерживать в хорошем состоянии, иначе все разрушится. Лучший вариант – сбавить их.

Да и для любого министерства это было спасением, тем более если военный городок располагался неподалеку от крупного центра, где у этого министерства имелся завод, работающий на последнем дыхании, поскольку не хватало производственных площадей. А здесь, вложив небольшую сумму, через полгода или год завод мог увеличить свой план в 1,5 раза, не потратив ни копейки на соцкультбыт. Разумеется, для округа надо было выложить солидную сумму, да еще и фонды под эту сумму. Все это оформлялось так, чтобы комар носа не подточил.

Значительные суммы округу перечислялись ежегодно главками видов Вооруженных Сил (в конце года они не осваивали крупные суммы денег, а я мог их реализовать) руководством Украины и всех десяти областей, на территории которых располагались войска округа. При этом многое мы получали, как говорится, натурой: кирпич, цемент, лес, столярку, металл, кабель, сантехнику, краски и т. д.

Думаю, излишне говорить, что все эти каналы у меня хранились в тайне. Единственно, кто был в курсе всех дел, – это первый заместитель командующего войсками округа генерал-полковник Николай Борисович Абашин. Это был фактически еще один заместитель командующего войсками округа по строительству. Точнее, он – первый, а генерал Дидковский – второй. Ближайшим соратником по этим вопросам у Абашина был полковник в отставке Григорий Иванович Мосейчук. Это самородок-строитель. В строительстве любого объекта он разбирался лучше, чем дважды дипломированный инженер. Но самое главное – он сам проектировал, составлял смету, добывал строительные материалы, находил рабочую силу, лично руководил стройкой и выполнял все с высоким качеством на уровне мировых стандартов и дизайна, а также в сказочно короткие сроки. Это был клад для округа. Поэтому я его всегда во всем поддерживал (как, естественно, и Абашина), выделял все, что он просил, и всячески оберегал от нападок, а таких охотников было предостаточно. Буквально за два года лицо нашего округа преобразилось и в последующем еще более совершенствовалось.

В судьбе и жизни Прикарпатского военного округа и личных судьбах людей большую роль сыграл целый ряд личностей. Я хотел бы остановиться на некоторых, а именно на тех, кого считаю незаурядными и кто сыграл в жизни округа прогрессивную роль. Не скрою, в этот же период были фигуры (и даже организации), которые оказали тяжелое регрессирующее влияние.

Андрей Антонович Гречко. То, что он был Маршалом Советского Союза, дважды Героем Советского Союза, министром обороны, – уже о многом говорит. Но отнюдь не эти регалии определяют личность этого человека. Гречко имел высокую подготовку (окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе и Военную академию Генерального штаба) и колоссальную практику – в годы Великой Отечественной войны командовал дивизией, корпусом, а с начала 1942 года и до конца войны – пятью армиями (12, 47, 18, 56 и 1-й гвардейской) и всегда блестяще справлялся с боевыми задачами. Но главное, конечно, – его природный дар, что ярко проявилось в его военной биографии, а также в его политической деятельности. Он был государствен-

ником до мозга костей. Обладал сильным чутьем на способных людей и умело подбирал кадры: заслуженных – уважал, молодых и способных – выдвигал (например, некоторых командующих армией ставил сразу на должность командующего войсками округа).

Что касается нашего Прикарпатского военного округа, то он видел и весьма ценил старание нашего офицерского коллектива сделать округ образцовым. Ведь были (есть и сейчас) военачальники, которые, хоть из кожи лезь, «не видят» усердия и стараний подчиненных. Иногда даже наоборот – относится предвзято, считает, что только он хорошо работает, а остальные или бездельники, или дураки. А это гасит все желания и стремление что-то сделать лучше. В итоге страдает дело. Но Гречко подталкивал к старанию. И делал это на редкость искусно. Например, Прикарпатскому военному округу никаких специальных благоприятных условий он не создавал, не давал, в сравнении с другими, больше денежных или материальных средств и т. д. Но ростки добрых начинаний поощрял, отмечал в своих приказах, каждый год говорил о них на подведении итогов боевой учебы. А разве может быть для нас, офицеров, выше награда, чем живое, доброе слово лично министра обороны?! И мы старались еще больше. И лично мне, как командующему войсками округа, он давал полную свободу действий, особенно в подготовке и проведении различных учений, создании и развитии инфраструктуры округа (особенно учебно-материальной базы), вообще в вопросах строительства. А на различные незначительные отклонения от существующих норм не обращал внимания, так как в принципе вопросы решались правильно и отвечали главной цели. Но, конечно, более всего мне дорого то, что Андрей Антонович, уверовав в меня, стал посвящать в свои сокровенные мысли. Он знал, что я об этом не поделюсь даже с самыми близкими. На такое доверие я мог ответить со своей стороны наивысшей степенью ответственности за все свои действия.

Несомненно, все это и многое другое, вместе взятое, позволило нашему Прикарпатскому военному округу быть в авангарде Вооруженных Сил СССР несколько лет подряд.

Владимир Васильевич Щербицкий. Этот человек вместе с председателем Совета Министров Украины Александром Павловичем Ляшко сделал для округа и меня лично тоже не меньше министра обороны, но в своей области. Являясь участником Великой Отечественной войны и будучи в молодости офицером Вооруженных Сил, Щербицкий, конечно, досконально знал жизнь военного и, как истинный государственный деятель, глубоко понимал роль и значение армии и флота для нашей страны. Поэтому делал все для того, чтобы создать благоприятные условия военным округам (а их было три плюс один пограничный) и Черноморскому флоту. В то же время он, естественно, вкладывал больше в тот округ, который мог освоить средств больше и эффективнее, да еще если при этом затрагивались и интересы республики. Построив непосредственно во Львове стрельбище международного класса в общем комплексе спортивного центра, мы, конечно, сделали благое дело для республики. Да и переустройство с благоустройством старых военных городков и строительство новых, с современным дизайном, тоже приветствовалось, так как это меняло весь облик соответствующих городов. Что касается отношения ко мне лично, то назову только три момента, которые сполна характеризуют Владимира Васильевича.

Первое – он фактически спас меня от исключения из КПСС (или, как минимум, от получения самого тяжелого партийного взыскания).

Второе – он явился инициатором присвоения мне высокого звания генерала армии.

И третье – он вел со мной наедине (иногда присутствовал Ляшко) такие откровенные беседы по государственному и партийному устройству, что могло быть только в условиях высокого доверия и полной конспирации. Приведу один небольшой фрагмент. Как-то, конечно, уже в разгар дискуссии по какой-то проблеме спрашиваю у Владимира Васильевича:

– Для чего нужна была Ленину партия? – И сам же отвечаю: – Для того, чтобы захватить власть и установить диктатуру пролетариата. Эта задача решена? Да, решена. Мало того, власть полностью перешла в руки трудящихся и антагонистических классов в стране не стало.

Спрашивается: зачем же партия продолжает удерживать власть в своих руках, но декларируя при этом, что якобы власть в руках Советов?

– Валентин Иванович, я разделяю это мнение. Мало того, я хочу добавить, что все это в какой-то степени стало тормозом в управлении народным хозяйством, да и в социальной сфере, а также в целом во внутренней и внешней политике. Мне довелось побывать в положении председателя Совета Министров республики, а сейчас являюсь первым секретарем. Поэтому могу сопоставить функции высших партийных и советских органов. Я все это чувствую.

– У меня складывается такое представление, что Сталин по многим причинам не мог пересматривать сложившуюся систему партийно-государственного аппарата.

– Он не только не мог – ему нельзя было этого делать. Именно в той структуре, какая сложилась до и после войны, надо было максимально стабилизировать ситуацию с передвижением населения. Его особо беспокоило, что после войны резко обозначилась тенденция оттока крестьян в город, где жилось сравнительно легче. Именно поэтому (то есть для удержания крестьян на селе) Сталин вынужден был придерживать выдачу паспортов в сельской местности. Этим искусственно, к сожалению, создавались препятствия выезду в город. Он мог пойти и на другие меры во имя этой цели, и все это было бы оправдано.

– Владимир Васильевич, но ведь Хрущев-то мог уже пересмотреть систему управления?

– Разумеется. Это было самое удобное время и в историческом плане, и в научно-объективном. Однако он, ослепленный желанием отомстить Сталину, а также опьяненный неограниченной властью и открывающимися в связи с этим возможностями, решил увековечить себя, так сказать, «на сталинских руинах». Но эти руины фактически создал он сам. Удары Хрущева по народному хозяйству, образованию, армии дорого стоили народу. Одни эксперименты с созданием сельских и промышленных обкомов чего стоили. А что он сделал с травопольной системой земледелия академика Василия Робертовича Вильямса?! Ведь эту систему успешно использовали во многих странах мира. В ее основе были кормовые и полевые травопольные севообороты. Они сочетались с правильной обработкой почвы, умелым применением машин и удобрений. Создавались полезащитные лесные полосы. Вы помните, как Сталин ухватился за эти лесные полосы? Буквально за три-четыре года у нас везде по стране, особенно в европейской части, в центре, на юге, эта задача была решена, и они, эти полосы, и сейчас все еще имеют огромное значение. Но Хрущев лишь потому, что Сталин уделял принципиальное внимание травопольной системе, разрушил ее.

Кстати, почему-то Хрущеву приписывается идея выдачи паспортов сельскому населению. Это вздор. Фактически эту задачу начал решать уже Леонид Ильич. Что касается Украины, то мы уже завершили выдачу паспортов. А вот МТС разогнал по колхозам и заставил их платить за технику, чем и подорвал экономику сельхозартелей, все тот же Никита Сергеевич Хрущев. Все эти «художества» отбросили наше сельское хозяйство на многие годы назад. Вместо того чтобы пересмотреть правовые нормы выплаты за труд, налоги, продумать и ввести систему, которая стимулировала бы труд, Хрущев только разрушал.

Вспоминая этот и другие подобные разговоры, я невольно протягиваю нить Хрущев – Горбачев – Ельцин. Нить, соединяющую воедино не созидателей, а экспериментаторов – разрушителей и предателей. Только прочная государственная система, живучий социально-политический строй и невероятно терпеливый народ нашей страны не позволили им разрушить все полностью, до конца. Горбачев разрушал-разрушал, Ельцин десять лет разрушал, а все же добить державу никак не смогли. Израненная, истерзанная, она еще сопротивляется разрушителям, вора и расхитителям.

Обычно, вспоминая о В.В. Щербицком, я всегда невольно вспоминал и Петра Мироновича Машерова – первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии. Мне не довелось служить в Белоруссии. Однако многие обстоятельства позволяют мне сделать вывод о прогрессивной

направленности всей деятельности Петра Мироновича и его несомненном сходстве с Владимиром Васильевичем Щербицким. В сравнении с другими руководителями республик оба они выделялись своей самостоятельностью, независимостью, человечностью и доступностью. У них был ровный и последовательный подход к оценке событий и особенно лидера страны. Им были чужды самовозвеличивание в глазах своего народа и в то же время угодничество генсеку КПСС, чем особенно страдали многие руководители кавказских и среднеазиатских республик.

Взять, к примеру, Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе. Его, так сказать, трудовая деятельность началась в комсомоле. Уж не знаю, насколько он «горел» на работе, но доподлинно известно, что в 1940-е и начале 1950-х годов он, используя все свои способности и служебные возможности, восхвалял Сталина. Последнего не стало, пришел Хрущев – Эдуард Амвросиевич тут же с остервенением стал разоблачать культ Сталина. Став первым секретарем Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Грузии, принимается на все лады восхвалять гениальность и неповторимость Хрущева. И тем самым добивается уже стабильного повышения в должности и перехода на чисто партийную работу. Хрущева сняли – он умело, а главное – оперативно поносит волюнтаризм Никиты Сергеевича, его ограниченность и одновременно вдохновенно расписывает «политический портрет» (в последние годы он обычно применял именно такие термины, описывая генсека) Л.И. Брежнева. Что это ему дало? Вначале – должность министра внутренних дел Грузии, а затем и первого секретаря ЦК Компартии этой республики. Подружился с соседом – таким же, как и он сам, держащим «нос по ветру» Горбачевым. Завидовал ему, что на Ставропольщину, а не в Грузию едут на отдых ежегодно главные «апостолы» КПСС – Суслов, Андропов, Громыко и другие. Как уже опытный аппаратчик, вычислил, что Горбачев сможет стать далеко не последним на партийном олимпе, переберется в Москву, следовательно, надо быть к нему поближе. И не ошибся в своих расчетах – Горбачев стал генсеком. Разумеется, все то, что было при Брежневе, предает забвению и на брежневский период вешает ярлык: «застой!» И сразу же оперативно, любовно «рисует» новый политический портрет «гениального» Горбачева.

Так вот, ни Щербицкий, ни Машеров были не способны на такое хамелеонство. Между ними и господином Шеварднадзе – «дистанция огромного размера», хоть они в Политбюро ЦК и были вместе. Что же касается лично Петра Мироновича, то действительно с любовью о нем говорила вся страна: Герой Великой Отечественной войны (это звание он получил за героическую борьбу с немецко-фашистскими захватчиками в Белоруссии во главе партизанского отряда), Герой Социалистического Труда (этим званием он был отмечен за выдающиеся успехи в развитии народного хозяйства Белоруссии, фактическим руководителем которого он являлся долгие годы). Его авторитет во всем Советском Союзе был чрезвычайно высок. Своим беспримерным и неповторимым вниманием и заботой о Белорусском военном округе он косвенно оказал нашему Прикарпатскому и другим военным округам огромную поддержку. Он был примером для других руководителей. И вообще он был удивительно чутким и внимательным ко всем военным. Однако один случай мне хотелось бы вспомнить особо.

Министр обороны Гречко в зиму с 1974 на 1975 год проводил крупные учения с двумя военными округами – Белорусским и Прикарпатским. Причем действовали они по разные стороны «баррикад». То есть были «противниками». Основные действия разворачивались на территории Белоруссии. Естественно, войска – это не голуби мира. Иногда развернутся подобно слону в посудной лавке. Но к армии никогда не было не только никаких претензий или жалоб, а даже наоборот – благодарили, что именно на белорусской земле прошли эти маневры. Петр Миронович Машеров, несомненно, уникальная личность. О Леониде Ильиче Брежневе уже было сказано достаточно. Но в данном случае, когда идет речь о влиянии этой личности на Прикарпатский военный округ, то, конечно, нельзя не привести еще ряд конкретных примеров.

Конечно, в первую очередь это факт пребывания Брежнева в должности начальника Политического управления Прикарпатского военного округа. Для нас это было и почетно, и

ответственно. Мы вправе были считать, что пусть по духу, но у нас есть «родственные» связи с Генеральным секретарем, и максимально использовали это обстоятельство в воспитательной работе с личным составом. В окружном и во всех музеях дивизий округа, в комнатах боевой славы, во всех Ленинских комнатах непременно имелись материалы по истории округа. Были представлены портреты всех, кто командовал нашим округом, перечислялись также начальники штаба и начальники Политуправления – члены Военного совета. Среди них был, конечно, и Леонид Ильич.

Но для нас было важно и другое. Начиная с 1970-х годов Брежнев, как правило, ездил поездом, если вопросы решались в границах страны и Европы. Например, за время моей службы в ПрикВО он несколько раз ездил на съезды, конференции, совещания в Венгрию и Чехословакию. Путь проходил через Львов и станцию Чоп, где колеса вагонов заменяли и переводили на узкую европейскую колею. И каждый раз Леонид Ильич выходил из вагона и длительное время прохаживался с руководством соответствующей области по перрону. Всегда шла живая непринужденная беседа на различные темы, но в первую очередь она касалась воспоминаний военных лет (а Брежнев в этих краях воевал) или насущных проблем сегодняшнего дня, в том числе чисто житейских, бытовых тем. Конечно, содержание беседы на первые две темы мы непременно использовали в своей работе, доводя до офицеров, а через них – до солдат, широко раскрывая эти вопросы и в окружной газете. Ну а доверительные разговоры оставались с нами. Некоторые из них сейчас можно и проиллюстрировать.

Как-то в одну из поездок Леонид Ильич сделал остановку во Львове. А перед этим он останавливался в Киеве, где взял в свою делегацию Владимира Васильевича Щербицкого. Во Львове на вокзал встречать генсека приехали члены бюро обкома КПСС во главе с первым секретарем Виктором Федоровичем Добриком. Командующий войсками округа, являясь членом бюро обкома, а также по своему служебному положению (генсек был и Верховным главнокомандующим Вооруженными Силами), обязан был присутствовать на встрече. Поэтому в составе группы встречающих был и я. Кстати, членов бюро было всего четверо и три сотрудника аппарата обкома. Добрик, видимо, прихватил для решения внезапно возникающих вопросов.

Перрон был безлюден, поскольку проходящих поездов в это время не было. Подошел поезд с Брежневым. Нас поставили именно там, где остановится его вагон. Открылась дверь, по ступенькам спустился проводник, а за ним, с приветливой улыбкой, – Леонид Ильич. На перроне в центре полукруга встречающих стоял В.Ф. Добрик – как раз против Л.И. Брежнева. Каково же было наше изумление, когда Генеральный секретарь, сойдя по ступенькам вагона, с возгласом: «Фима, и ты здесь?!» – сгреб в охапку небольшого росточка работника аппарата обкома по фамилии Айзон. И, тиская его, пояснил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.